

Рина Осинкина

Смерть и креативный директор

Рина Осинкина

Смерть и креативный директор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70415065

SelfPub; 2024

Аннотация

Званный ужин в особняке министерского чиновника пришлось прервать в самый его разгар: в служебном помещении двухэтажного дома была обнаружена мертвой одна из приглашенных дам с черепом, пробитым чем-то тупым и твердым. Улики и мотив указывают на Татьяну Родионову, зачинщицу скандала, который произошел на глазах у всей компании в начале банкета. Однако Олеся Звягина, креативный директор рекламного агентства, не верит в причастность двоюродной сестры к этому убийству, и берется выявить настоящего преступника, но как это сделать? Сосед по дому, майор полиции, Олеся не помощник, они в тяжелой ссоре. Кроме того, Звягина ничего не понимает в сыском деле. И тогда она выбирает необычный способ для поиска убийцы. Она делает, что умеет, а умеет она сочинять сюжеты и вживаться в их персонажи.

Рина Осинкина

Смерть и креативный директор

– Дэ, – неприязненно отозвалась трубка, и Олеся вдруг оробела, почувствовав, как противной змейкой скользнул под ложечкой холодок, хотя на приветливый тон собеседника она не рассчитывала.

Но у нее не было выбора. В сложившихся обстоятельствах помочь ей мог только этот человек, источающий сейчас свеженькую враждебность. Чувство, которое Олеся умудрилась в нем вызвать, изначально к этому не стремясь, оказалось довольно стойким, судя по тому, что со знаменательного события прошло две недели.

Теперь свое «здравствуйте» он цедит сквозь зубы, но встреч не избегает. Олеся полагала: именно потому не избегает, что хочет лишний раз подчеркнуть, как она ему противна.

Он сам виноват, конечно. Потому что все испортил.

Как бы то ни было, но она должна попытаться, тем более что других идей у нее нет.

Когда вчера вечером Олеся набрала номер двоюродной сестры, желая получить подтверждение, что у Родионовых

не поменялись планы на ближайшие выходные, – а они собирались прокатиться в их «ниссане» до Владимира, чтобы немного подышать русской стариной, – Танюша трубку не взяла. На вызов ответил ее супруг и Олесин зять Виталий. Он хмуро сообщил, что Татьяна в депрессии, панике и шоке. Ее заподозрили в убийстве и взяли подписку о невыезде. Позавчера весь день они оба проторчали в полиции, и Виталий не просто за компанию, а как участник событий. Там вообще были все, кто в среду тусил у Михеева.

Олеся, встревожившись не на шутку, тут же кинулась в Новые Черёмушки, где проживали в элитной высотке сестра с мужем.

С Танькой они с детсада дружили, роднее ее у Олеси никого не было, за исключением мамы, конечно, но мама – это мама, а сестра, которая к тому же лучшая подруга – совсем другое.

Дверь ей открыл Виталий. Зять был из разряда низкорослых толстяков с гладко выбритой круглой физиономией и коротко стриженными светло-русыми волосами. Он мог бы казаться комичным, если бы не жесткий взгляд серых глаз, пресекающий любые в свой адрес насмешки, и не абсолютная уверенность в себе, балансирующая на грани дурной самоуверенности.

Виталий был владельцем предприятия со штатом около сотни человек, специализирующегося на производстве медицинского оборудования. Фирма приносила неплохой до-

ход, позволяющий держать две машины в семье, летний загородный дом, а также дающий возможность супруге не ходить на заработки, но Танька все равно продолжала настойчиво посещать агентство по подбору персонала, где за смешные деньги выполняла обязанности офис-менеджера. Мужу свое упорство она мотивировала тем, что не желает превращаться в клушу, а это непременно произойдет, когда и если она будет заниматься исключительно домашним хозяйством. Но Олеся призналась, что на самом деле хочет, чтобы Виталик видел и осознавал, что жена не какое-то никчемное барахло в халате и тапочках, а стильная и востребованная бизнес-леди с массой интересов в социуме.

Танька на семь лет была моложе своего тридцатишестилетнего супруга и выше его на пять сантиметров, имела стройную фигуру, яркие карие глаза, смеющийся рот и гипертрофированную ревность.

Переступив порог прихожей, которую хотелось именовать холлом, Олеся притормозила, заметив на полу разъявленную коробку из-под пиццы. Отодвинув ее мыском кроссовки, прошла к платяному шкафу. Спросила бесцветным тоном, пристраивая на плечики плащ:

– Почему сам не позвонил?

– А чем ты поможешь? – огрызнулся Танькин муж и добавил раздраженно: – Заходи, если пришла.

– Где виновница?

– Двигай в гостиную.

– И что она поделявает? Пьет водку и курит «Приму» одну за одной?

Еще по дороге Олеся решила, что ей следует прибегнуть к жесткой иронии, дабы прекратить Танькину многодневную истерику и таким образом привести в норму. Раньше это всегда помогало. Правда, до сих пор сестру еще ни разу не подзревали в тяжком преступлении.

Виталик на неуместный стёб родственницы жены разозлился.

– Я рад, что у тебя появился повод для острот.

– Ах, извини. Я должна была явиться с размазанной по щекам тушью и вспухшим носом. А придя, показательно разрыдаться, чтобы вы оба поняли, как я потрясена и как сопереживаю.

– А ты пришла не за этим? – съязвил зять.

– Я пришла, чтобы чем-нибудь помочь, Виталий. Выслушать вашу историю и подумать вместе с вами, чем и как. Ну, или только нам с тобой подумать, если Танька не боец сейчас.

– Она не боец, – хмуро проговорил зять. – И помочь ты нам вряд ли сможешь.

– Да? Посмотрим. Веди, где там она. Или при ней лучше не обсуждать эту тему?

– Сейчас узнаем, как лучше, – буркнул он. – Можешь не разуваться, у нас, сама видишь, какой бардак.

– Да ну перестань. Подумаешь, не пылесосили давно. Вот

если бы банки из-под пива по полу катались... – небрежным тоном проговорила Олеся, заметив в коридорчике, ведущем на кухню, пару пахучих пакетов с бытовыми отходами, один из которых был заполнен теми самыми банками. – Мусор я потом вынесу. Когда домой отправлюсь.

Лучше бы молчала – у Виталия на скулах заходили желваки.

Но Олеся ничего не могла с собой поделать. Она действительно не знала, как себя вести в этой ситуации, и какие слова говорить. Ирония – это, конечно, клёво, но, сидя в мчащемся по подземке поезде и строя будущую линию поведения, мысленно проговаривая фразы и размышляя об интонациях, она плохо представляла, с какой реальностью столкнется.

Сейчас в доме Родионовых, обычно теплом и благодушном, было тяжело и неуютно, будто рядом за дверью стоит гроб с покойником. Нужно хоть как-то соболезнование выразить, а она не может. Любые слова будут звучать фальшиво и деревянно. Оттого и лепила бойкую чушь, убегая от неловкости.

– Привет, Танюх, – от двери гостиной обратилась она к Танькиной спине.

Сестра, свернувшись калачиком и укрывшись пушистым шотландским пледом по самую макушку, лежала на огромном, как слон, диване, и на приветствие даже не пошевелилась.

Хотя это на самом деле еще ничего не значит.

– Она что-нибудь ела сегодня? – деловито спросила Олеся.

– Банан. Нет, два банана. Чипсы картофельные поклевала.

– Залила кофейком?

Виталий кивнул.

Все нормально. Обычный Танькин рацион, когда ей лень готовить.

– Это был ее завтрак, я полагаю. А потом?

– Потом? Ничего. Я заказал кое-какую еду – всё, что ей нравится, – но она не притронулась. Лежит целый день и поскуливает.

А вот это уже нехорошо.

– Три порции шашлыка выбросила в пропасть, – хмыкнула Олеся, проходя к креслу и усаживаясь.

– Слушай, прекрати, а? – вспыхнул Виталий.

– Уже. Давай рассказывай. Авось не все так ужасно.

Виталий молча прошел к дивану, присел на краешек, стараясь не потревожить жену, не толкнуть ненароком. Укрыл ее пледом поплотнее, ласково погладил по плечу.

Олеся почувствовала знакомый укол грустной зависти и сникла. Язвительно шутить, дабы кого-то взбодрить или встряхнуть, или привести в норму, ей расхотелось. Не потому что она осознала неуместность своих злых острот, а вот просто так взяло, и расхотелось.

Оно и к лучшему. Незачем Виталика злить, у него и так

нервы на пределе. И Танюшу таким способом не успокоишь, теперь это стало понятно.

Витин рассказ был скуп и занял минут десять, не больше. Но краткого повествования хватило, чтобы она смогла понять, как все серьезно. Таньку застали над остывающим трупом с орудием убийства в руках, и у нее имелся мотив, плохонький, но имелся. А что еще для ментов надо?

– Вам нужно срочно обратиться к частному сыщику. Сейчас этих контор пруд пруди, – решительно заявила Олеся.

Тоже мне совет. Даже не на троечку.

– Обращались, – буркнул зять. – И не в одну. Говорят, что сыщику на месте преступления по прошествии трех дней делать нечего. Советуют найти хорошего адвоката. Прямых улик нет, значит, шанс убедить присяжных имеется.

– Будут присяжные?

– Откуда я знаю? – он пожал плечами. – Так в детективном агентстве сказали.

Татьяна после этих слов зарыдала в голос.

«Опять представление... Ну, да. А как же без него», – раздраженно подумала Олеся.

Числилась за Танькой такая черта – по малейшему поводу демонстрировать свою несчастьность, принуждая близких сюсюкать с ней и жарко успокаивать.

Она в детстве была недолюбленным ребенком, но, ёлы-палы, муж-то ее любит! Еще как! Да и сестра.

Олесю вдруг как водой окатило. Что с тобой, Лёля доро-

гая? На Таньку беда свалилась, а ты за сопли на нее злишься?! Откуда такое бесчувствие? Еще и бравируешь этим.

Она выбралась из кресла и, подойдя к дивану, присела на корточки возле изголовья. Погладила сестру по плечу, проговорила ласково:

– Эй, Танюшка!.. Ну, что ты... Не плачь. Мы что-нибудь придумаем. Ты ведь никого не убивала.

Танька, горестно всхлипнув, развернулась лицом к сестре, обхватила руками Олеся за шею, уткнулась ей в ключицы и срывающимся шепотом произнесла: «Я никого не убивала. Но я так боюсь, Лёля... Меня посадят в клетку в зале суда, и зачитают приговор, и все будут на меня пялиться... А потом меня переправят в бетонную камеру с решетками на окнах, где уже сидят двадцать уголовниц, и оставят там на пятнадцать лет! Мне придется шить рукавицы и ватники, но это ерунда по сравнению с тем, что с Витей я буду видеться раз в месяц. Раз в месяц, Лёля! Или даже реже... И как он тут без меня?! И что он тут...»

И Танька разрыдалась пуще.

Олеся быстро взглянула на зятя. С напряженным лицом он уставился в стену с висящим на ней гобеленом, где был изображен величественный средневековый замок. Картина была огромна, полтора метра по горизонтали и метр в высоту, если учитывать золоченый багет, ее обрамляющий. Родионовы уважали купеческую пышность.

– Я обещаю тебе, что непременно что-нибудь придумаю, –

твердо проговорила Олеся, потому что ничего другого в голову не пришло.

Виталий криво ухмыльнулся, не повернув головы. Танька, как ни странно, рыдать перестала. Спросила:

– Точно? А у тебя получится?

– Я буду стараться. Это в моих интересах, Танюша. Иначе придется мне передачи тебе слать регулярно, на брикеты с чаем тратиться и на махорку. А оно мне надо?

Танька снова захлюпала, и Олеся поняла на свой счет, что психолог из нее никудышный.

– Ш-ш-ш... Тихо, тихо... – зашептала она сестре на ухо, успокаивая, и погладила по волосам. – Я пошутила. Я просто неудачно пошутила, Таня. Все будет хорошо. Только объясни мне, пожалуйста, зачем тебя в тот вечер понесло на второй этаж?

Случаются такие дивные дни на первой неделе октября – с воздухом хрустально чистым и небом высоким, синим, без единого облачка, ветерком теплым, ласкающим лицо, с шелестом ярко-пестрой листвы под ногами и ее тонким волнующим ароматом. Жизнь тогда представляется простой и радостной, сердце наполняется предчувствием счастливых перемен, а маячащая в перспективе ноябрьская хандра притворяется легкой и отчасти приятной.

Татьяна всегда любила эту пору. Теперь не любит.

Раут был назначен на половину четвертого, гости съезжа-

лись вразнобой, из-за чего в полном составе собрались к четырем, но, похоже, хозяин так и предполагал. Первые прибывшие, в числе которых были Татьяна с мужем, получили возможность перед началом мероприятия прогуляться по дорожкам фруктового сада, больше напоминавшего миниа-тюрный парк, и вокруг особняка – со всех сторон и во всех отношениях ухоженного.

Коттедж был стильной архитектуры, в два этажа ступенькой, а, если брать в расчет полуподвал, то в три. Имел просторную террасу, где могла бы разместиться парочка бильярдных столов вместе с игроками и болельщиками, и застекленную оранжерею на плоской крыше первого этажа – той самой ступеньке.

Это был рядовой шик среднего уровня, но Татьяну он впечатлил. Она не была патологически завистлива, но достаточно тщеславна, чтобы почувствовать, знакомясь с домом и его хозяином, неприятную пришибленность и раздражающую ее саму робость. Квартира Родионовых на шестом этаже высотки, пусть и элитной, но за пределами третьего транспортного кольца, ни в какое сравнение не шла с облицованным натуральным камнем и покрытым медной черепицей особняком в охраняемом поселке ближнего Подмосковья.

Особняк и парк, и бассейн, и площадка для тенниса, и вообще все, что было внутри решетчатого забора из переплетающихся затейливыми вензелями чугунных прутьев, принадлежало Аркадию Михееву, начальнику департамента из об-

ластного министерства здравоохранения. Танькин муж лично знаком с ним не был, Татьяна – тем более, поэтому приглашение на прием стало для них неожиданностью, к тому же приятной. Как выяснилось несколько позже, чиновник был поборником синергии власти и бизнеса в целях наилучшего исполнения задач, поставленных Правительством перед министерством. Иными словами – он был мастером припахать бизнес к государственным интересам, хочется тому или не хочется.

Об этом Татьяне доложила Майя Хохлова, с милой улыбкой потеснившая ее возле большого зеркала в холле особняка. На вскидку, ей было под пятьдесят, но пухленькая блондинка выглядела превосходно, сумев подчеркнуть облегающим трикотажем достоинства внешности, отчего недостатки, если и были, сделались незаметны. Танька сразу запомнила ее фамилию, потому что в школе сидела за одной партой с Хохловой, но Наташкой, а остальных приглашенных смогла запомнить только по именам. По фамилиям она их узнала несколько позже.

Не только Родионовы были здесь новенькие, еще одна семейная чета была приглашена впервые. Хозяин перезнакомил своих гостей на поляне перед домом, в самой непринужденной обстановке, создавать которую вокруг себя он, похоже, был спец.

Аркадий Михеев был подтянут, улыбчив и жгуче обаятелен – матерый плейбой, а вовсе не скучный столоначальник.

Его гости были светски учтивы и заученно приветливы, но в этом Таньку не проведешь. Каков каждый из них на самом деле, покажет только время, однако неискренняя вежливость лучше откровенного хамства, если, конечно, ты не планируешь продлевать знакомство. Танька не планировала. А что касается Виталия, то бизнес есть бизнес, там свои законы, и муж неплохо их усвоил.

Обменявшись рукопожатиями и светясь улыбками, приглашенные нарядной гурьбой направились в дом, переговариваясь и пересмеиваясь.

Пройдя огороженную резным парапетом террасу, опоясывающую три стены дома, и оказавшись в холле особняка, Татьяна испытала шок поменьше, в сравнении с тем, который отравил ей прогулку по приусадебным уголкам, поскольку к чему-то подобному уже была готова.

Холл был просторен и функционально безупречен. У входной двери слева размещался шестистворчатый шкаф для уличной одежды и обувные подставки. Справа от входа растопырилась листьями какая-то разновидность пальмы в кубическом кашпо, облицованном шпоном из карельской березы. За ней в углу расположился журнальный столик, а также два пуфика и оттоманка в обивке из серебристо-серого велюра.

В левой стене холла имелись три двери: в кухню, ванную и туалет. Арка в правой стене вела в гостиную. На стороне, противоположной от входа, другая арка открывала коридор,

уходящий вглубь дома и освещенный настенными светильниками, стилизованными под газовые рожки. Большую часть стены возле левого арочного проема занимало зеркало в человеческий рост.

Гости быстро разобрались с плащами и куртками, устроив их в шкаф, кто-то затем направился в ванную вымыть руки, кто-то сангигиенической процедурой пренебрег и поспешил в гостиную поближе к аперитиву. Татьяна, сбросив пыльник на руки мужу, кинулась к зеркалу, дабы успокоиться и прийти в равновесие – критичное изучение собственного отражения всегда ей в этом помогало, переводя стрелки внимания на более важный предмет.

Тут ее и настигла Хохлова.

Майя приблизилась вплотную к зеркальному полотну, чуть ли не прилипнув телом к его поверхности, и придирчиво осмотрела свой макияж. Судя по мимике, увиденным осталась довольна. Затем перевела взгляд на Танькино отражение и без предисловия поинтересовалась, а каким бизнесом занимается Татьянин супруг или, может, сама Татьяна. Выслушав ответ, раздвинула губы в понимающей улыбке: «Ну, я так себе примерно и представляла». Доверительно сообщила, что Михеев обожает собирать деловые тусовки под видом дружеских встреч. Он только с виду простой, как тульский пряник, а на самом деле у чиновника бульдожья хватка и расчетливость финансиста с Уолл-стрит. «Однако, – добавила она, – он охотно идет на разумный компромисс.

Поэтому не надо спешить и хлопать дверью, если его предложение вам не покажется. У нас с мужем семейный бизнес, девелоперская фирма «Снос и застройка-21 век». Не правда ли, звучное название? Мы уже несколько лет сотрудничаем с департаментом обеспечения, которым руководит Аркадий. И вам советую к его предложениям прислушаться, отказаться успеете. Кстати, а как он на вас вышел? Имеются общие знакомые?»

Татьяна с улыбкой пожала плечами. Хохлова оценивающе на нее посмотрела и произнесла: «Ну, значит, нашел через Интернет. Он постоянно там рыщет, чтобы отыскать свежие данные».

Утратив к разговору интерес, она поправила в вырезе декольте золотой кулон в виде жука скарабея, который все время норовил перевернуться лапками кверху, и, предложив Татьяне присоединиться, поплыла в гостиную, где уже роилась значительная часть гостей, перемещаясь от стойки с аперитивом к столу с закусками и обратно.

Танька сказала ей в спину: «Я вас догоню».

Полученные от новой знакомой сведения были ей ни к чему, если только позже она не перескажет их Витале.

Однако, досадно: сегодняшнее мероприятие грозит превратиться в нудную скукоту. Бизнес – это, конечно, здорово, он денежки приносит, но нельзя же только коммерцией жить, извлекая из всего встречного-поперечного максимальную выгоду. Нужно хоть изредка позволять себе праздник.

Она попробовала рассердиться на мужа, но передумала. Это несправедливо: Виталий не напрашивался на прием в расчете обзавестись новым полезным контактом, Михеев сам его нашел. И, похоже, новая Татьяна знакома права, предположив, что чиновник наткнулся на «СанМедПласт» в сети.

Перечень производимых фирмой изделий, в котором значились массажные матрасы, ортопедические бандажи и корсеты, и прочее тому подобное, не считая расходников: одноразовых пеленок, подгузников, прокладок – вполне подходящий ассортимент для оснащения муниципальных больниц и интернатов, а значит, он в зоне интересов департамента, которым руководил Михеев. Осталось только дожждаться и услышать от него, как ему видится сотрудничество с их фирмой, и что Родионовы будут от этого иметь.

Таня поискала глазами мужа. В холле его не было, и она огорчилась. В любой незнакомой компании она умела быстро освоиться, но не сегодня. Здесь и сейчас она ощущала неприятный дискомфорт, ей нужна была Виталькина поддержка, а он, видимо, уже в гостиной с остальными.

Ей стало обидно. Мог бы остаться в холле вон хоть на диванчике за пальмой. Или возле окна подождать.

Но он не подождал, предпочтя проявить «цивилизованную» независимость. Мы же не дикари, родная, чтобы пасти друг друга, не так ли?

Наверно, причина ее сегодняшней неуверенности в том,

как она выглядит и в чем одета. Досадно, что столько времени было потрачено, чтобы подобрать наряд. Подбирала, подбирала, и не угадала. А ведь это очень важно для первого знакомства!

Татьяна долго прикидывала, в чем пойти. Неизвестно, какие бабы будут на этом сборище. И, решив исходить из того, что бабы могут быть чванливыми и заносчивыми, остановила свой выбор на черном шелковом платье в стиле 50-х, узком в талии и пышном по подолу. В сочетании с белой кружевной пелериной оно выглядело одновременно эффектно и по-аристократичному сдержанно. Серьги, кольцо и кулон с черными бриллиантами в оправе из белого золота отлично дополнили образ.

Она ошиблась. Нет, гости Михеева не были одеты фри-вольно, но было понятно, что они не заморачивались над прикидом от слова «совсем».

Не считая самой Татьяны, представительниц прекрасной половины было трое – две при мужьях и одна при боссе. Но лишь облегающее платье цвета маренго Майи Хохловой можно было с натяжкой назвать коктейльным. Ее наряд неплохо гармонировал с замшевым светло-серым пиджаком ее супруга, Сергея Хохлова, девелопера.

Алекс Турчин, владелец сети клиник «Форева-здрав», был одет в джинсы и темно-синий джемпер поверх белой рубашки. Он привел на прием сразу двух дам: супругу по имени Лариса и Ирину Беркутову, чьим непосредственным на-

чальником являлся.

Беркутова не была секретаршей, которую шеф всюду таскает за собой, невзирая на ревнивые страдания жены, отнюдь. Ирина Беркутова работала исполнительным директором в его фирме, а внешние ее данные были таковы, что попытки приревновать ее к боссу должны были умереть при первой же вспышке. На прием, организованный чиновником министерства, сухопарая очкастая брюнетка с короткой стрижкой на жестких, как бритвенный помазок, волосах явилась в брючном костюме шоколадного цвета, да еще в золотистую полосочку, и это было невыносимо.

Позже выяснилось, что Михеев ее пригласил персонально, тогда как супругу Турчина просто упомянул в приглашении. Турчин ее привел. А мог бы не приводить.

Что касается Ларисы Турчиной, та была одета в шелковую черную юбку-карандаш длиной миди и разрезами по бокам, всю в ярко-алых розочках, и белую кружевную блузку с воротником шалькой и рукавом ниже локтя. Ее шею обвивали две нитки бисера ярко-малинового цвета – похоже, кораллы. Под ворот она пропустила длинную золотую цепочку с массивным кулоном. На пальцах было нанизано несколько золотых колец без вставок и не особенно стильных. Лет ей было за тридцать, но волосы шоколадного цвета, прямые, ниже лопаток, ее молодили. Общее впечатление создавалось, вроде бы, сносное, однако образ, который она выбрала, чтобы посетить светский прием, больше бы подходил для культпо-

хода на спектакль театра «Ромэн» на сцене сельского клуба.

Татьяна на фоне дам, одетых пестро и вполне демократично, выглядела в своем черном платье с белым воротничком воспитанницей приюта при монастыре кармелиток, наряженной побогаче ради храмового праздника.

Ее мужу было заметно пофиг, что на нем сидят не джинсы с водолазкой, а дорогой костюм-тройка от Бриони, пусть и купленный на распродаже, а Танька страдала. Потому что даже хозяин мероприятия был облачен в мягкие твидовые штаны и свитер со вздернутыми к локтям рукавами, а на ногах имел туфли, сильно напоминающие теннисные.

Пожалуй, только сорокашестилетний Будимир Валяев, восьмой из приглашенных, разбавлял атмосферу всеобщей одёжной расхлябанности, явившись на раут, как полагается, в сером классическом костюме и при галстукe. Но Валяев был по профессии то ли нотариус, то ли адвокат, а эта братия, как полагала Татьяна, даже спать ложится в обнимку со своим портфелем.

– Что же вы, Танечка, не идете? – с добродушным укором спросил ее Михеев, появляясь в проеме гостиной. – Пора, пора, народ проголодался.

Легко коснувшись кончиками пальцев ее спины чуть выше талии, он повел гостью к богато сервированному столу, и Танька поняла, что предстоит никакой не раут, а самый настоящий банкет с застольем и – возможно – последующими танцами.

Народ дисциплинированно переминался в ожидании команды рассестись, но в адрес Татьяны едких шуточек не отпускал и глазами многозначительно не зыркал. Стало быть, собрались аристократы.

Им с Виталием достались места как раз напротив друг друга, и Таньке это понравилось. В какой-то пьесе Оскара Уайльда, забыла, в какой, Танька натолкнулась на реплику персонажа, может даже центрального, в которой он высказывал желчное неодобрение некоей даме – с его точки зрения, совершенно несносной, поскольку та весь вечер кокетничала с собственным мужем через стол, не обращая внимания на этого самого центрального персонажа. Описанная ситуация настолько Татьяну поразила, показавшись свежей и даже несколько еретической при узаконенном обычае флиртовать на тусовках, с кем заблагорассудится, невзирая на присутствие тут же своей половины, что ей явилась прихоть устраивать с Витей подобные шоу, не упуская любой возможности, дабы вызвать зависть у присутствующих баб и раздражение у мужиков.

И вот, участники банкета, отодвинув стулья, расселись вдоль стола. Празднично зазвенел хрусталь, венчая первый тост за дружбу и сотрудничество, а потом за прекрасных дам, и за благополучие всех вместе и каждого из гостей в отдельности, а парень со стильной стрижкой и в длинном до полу накрахмаленном фартуке забирал опустевшие фарфоровые блюда из-под закуски и ставил на их место наполненные,

и Татьяна кокетливо улыбалась мужу, строила ему глазки и подставляла фужер, чтобы он плеснул немного минералки, и тарелку, чтобы положил в нее немного вон той вкусноты, а он весело ей подмигивал, и даже один раз привстал, придерживая рукой галстук, чтобы через стол поцеловать ей ручку, и вполне разборчиво проговорил интимным тоном: «Ты помнишь, что мне обещала?», а Танька сделала вид, что застеснялась, и все было замечательно, как вдруг.

Соседка справа коснулась его запястья. Он вздрогнул. Не поднимая головы, несколько секунд смотрел на ее холеную кисть, которую та не торопилась убирать. Помедлив, выпрямился, взглянул ей в лицо. Лариса Турчина что-то произнесла, улыбнувшись краешком губ, а глаза ее были серьезны. Лишь на миг в них мелькнула усмешка, исчезнув так быстро, что, может, и не было ее.

Виталий хмыкнул и снова уткнулся в тарелку.

Лариса протянула ему свой опустевший фужер, сделав легкое движение рукой в сторону бутылки «Нарзана».

Виталий отложил вилку и молча его наполнил. И продолжил поглощать крошечные рулетики из ветчины с начинкой из осенних опят. На Татьяну больше не взглянул.

Лариса, сделав глоток, вернула фужер на место. Ее губы вновь шевельнулись. Она что-то произнесла, слегка повернув голову к соседу. Виталий вздернул бровь, не отрываясь от еды. Метнул взгляд через стол. Наткнувшись на недоуменный взгляд жены, отвел глаза.

Да что происходит-то? Татьяна не понимала. Потому что такого не было никогда.

И что прикажете делать? Начать кокетничать с кем-нибудь из мужиков, лишь бы не сидеть молча с пришибленным и несчастным видом? Вот хоть с жующим юристом Валяевым, который от нее справа. Или с мужем Майи Хохловой, как его, с Сергеем, сидящим по левому боку?

Но юрист Валяев ей даром был не нужен, да и Хохлов тоже, тем более что девелопер оживленно рассказывал что-то хозяину застолья, а мадам Хохлова заливисто смеялась.

Татьяна воровато осмотрела лица напротив. Интересно, а как отреагировал на неловкий эпизод, только что произошедший, практически скандальный, молчаливый супруг Турчиной, занимающий стул с ней рядом? Никак он не отреагировал. Ничего не заметил? Похоже.

Только корректно ли называть эпизодом действие все еще длящееся?

А может, ничего скандального не произошло? Дело обычное?

Ну, конечно же, Таня! Что такого недозволенного, с точки зрения всех собравшихся здесь людей, в том, что твой муж повел себя по-джентльменски, наполнив минеральной водой полупустой фужер дамы, попросившей об этом? Обычная учтивость. И то, что он занялся поглощением пищи, отложив на время милую пикировку с супругой, тоже нормально. И никого не удивит и не покоробит, что, откушав немно-

го рулетиков и кальмаров, Виталик решил уделить внимание вместо жены какой-то рядом сидящей бабе. Новое, оно всегда манит.

Они же не в курсе ваших с Витей игр.

Виталий время от времени мельком жене улыбался и только. Он был плотно занят трепом с соседкой. Они даже чокнулись бокалами легонько, прежде чем синхронно сделать по глотку полусухого «Совиньон Блан». Судя по обрывкам долетающих слов, тема была самая аристократичная – что-то об игре в пинг-понг. Супружеский флирт был им заброшен.

«Я с тобой разберусь, – обиженно думала Татьяна, – вот выйдем из-за стола, и я тебе выскажу».

Хорошо еще, что благородное собрание пропустило мимо внимания происшедшую с Танькиным мужем метаморфозу и не отследило ее причину. Хотя... Она осторожно повернула голову налево. Затем направо.

Сидевший во главе стола хозяин, поигрывая ножиком, оценивающе смотрел на Виталия. Или на Ларису Турчину? Или на них обоих?

Соседка Виталия справа, Ирина Беркутова, явно прислушивалась к беседе Танькиного благоверного с его новой знакомой и кривила губы в понимающей ухмылке. Поймав Татьянин взгляд, плеснула себе в рюмку из пузатой коньячной бутылки и выпила залпом.

Таньке жгуче захотелось вскочить с места и ринуться вон, но она сдержалась, потому что решила, что все только этого

и ждут.

– Опасная женщина, – проговорил ей в ухо Валяев.

– А? – вздрогнула Татьяна, разворачиваясь к нему лицом. – Я? Почему?

– Она, – и юрист ткнул вилкой в сторону Ларисы. – В моей практике я сталкивался с подобными представительницами. Дустом бы их всех... Инсектицидом...

Таньке его высказывание, безусловно, понравилось, и ей захотелось об этом поговорить.

– И почему вы так считаете? – заинтересованно спросила она.

Он не успел ответить. Их разговор, не начавшись толком, был прерван.

– Друзья, – произнес Михеев, вставая, – предлагаю сделать перерыв и немного размяться. Тем более, нужно дать возможность нашему Николя приготовить все для десерта.

Занимавшая половину первого этажа михеевская гостиная была так велика, что в ней поместились обеденный стол на двенадцать персон и стулья, четыре кресла и столик напротив камина, а еще в ней стоял длинный угловой диван, огораживающий пяточок для танцев, коим гости и собирались воспользоваться. Музыкальный центр засиял огнями индикаторов, из аудиоколонок полилась томная мелодия, свет восьмирожковой люстры был притушен, вместо нее зажглись боковые светильники.

– Первый танец мой, – улыбнулся жене Виталий, вставая с

места и делая приглашающий жест в сторону танцпола, чуть не задев при этом пятерней нос и очки Ирины Беркутовой, продолжавшей с невозмутимым видом сидеть, откинувшись на спинку стула.

У Татьяны отлегло. Заодно и поговорим, любимый. Она игриво улыбнулась в ответ и тоже принялась выбираться из-за стола.

– Первый танец мой! – услышала она уверенное сопрано и оцепенела, увидев, как Турчина взяла Виталика под руку и повела вглубь гостиной, где уже обнимались в медленном танце развеселые супруги Хохловы.

И Витька пошел!

Татьяна успела заметить неуверенность на его лице, и тут ей стало все ясно. Муж под гипнозом! Не об этом ли вел речь юрист Валяев, назвав Турчину опасной?

Танька отбросила в сторону стул. Торопливо и решительно направилась следом за парочкой.

Он уже успел положить руки на талию партнерше, а она – на его плечи. Да нет же, не на плечи – на грудь! Обе ладони ему на грудь водрузила наглая баба, засунув кончики больших пальцев под лацканы пиджака! Они сделали несколько плавных па, принаравливаясь к мелодии и друг ко другу. Турчина что-то проговорила Танькиному мужу в ухо, почти прильнув губами к его шее. Его губы тронула улыбка.

В голове у Татьяны помутилось. Ревность шарахнула по мозгам, стеганула шипастым бичом по сердцу.

Она подскочила к танцующим, цапнула Турчину за локоть, дернула, разворачивая к себе. Прошипела в физиономию: «Когда не надо, тогда нельзя». Та не испугалась. Посмотрела на нее, вздернув бровь, и насмешливо осведомилась: «Ты кто?». «Я – кто?!» – вознегодовала Танька и оглянулась на мужа. Он растерянно спросил, не выпуская новую знакомую из объятий: «Что-то не так?», и было непонятно, кому адресован вопрос.

Это Татьяну взбесило по-настоящему. Она схватила Турчину за руку и через всю комнату потащила к дивану, где в вялой позе развалился Ларискин супруг, так и не расставшийся со своим стаканом, в котором плескался на доннышке неразбавленный ром. Толкнула растерявшуюся соперницу на упругое сиденье, проговорила, склонившись над ней: «К Вите больше не приближайся. По большой дуге обходи. Поняла, детка?» «А то – что?!» – спросила с вызовом Лариса, оправившись от натиска и привставая. «А то пришибу», – яростно прошипела Танька и толкнула ее в плечо, и Турчина снова завалилась на диван, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие. Танька эти взмахи расценила по-своему – как безусловную агрессию, и, еще сильнее разозлившись, рванула с ее шеи цепочку, которая неожиданно легко поддалась. Кулон соскользнул на пол. «Дура! Там же замочек слабый!» – заорала Турчина, подхватывая цепочку в пригоршню. Ее муж, кряхтя, сполз с дивана и встал на четвереньки, намереваясь кулон отыскать. Стакан в его руке, о

котором он, видно, забыл, накренился, содержимое выплеснулось на женину юбку, Лариска злобно взвизгнула.

Из-за спины Татьяны послышались одинокие аплодисменты.

— Девочки, девочки, не ссорьтесь, — смеясь, проговорил хозяин дома, поспешив на шум.

Он взял Таньку за локотки, повлек к креслу у камина, усадил вполоборота к залу. Та не сопротивлялась. Чувствовала она себя ужасно. Можно ли назвать чистой победой поступок, за который ей уже сейчас стыдно настолько, что хочется провалиться?

Наглуую бабу ты, конечно, отшила, и это хорошо. Ты умница, Таня. Только отшила ли?

Возле спинки ее кресла возник Виталик, на лице тревога и сострадание. И это вместо раскаяния и извинений! Погладил ее по плечу, она плечом дернула. Он постоял минуту, глядя в провал незажженного камина, развернулся и из гостиной вышел.

Подошел Николя с подносом, предложил ей минералку в высоком стакане. Танька питье приняла, поблагодарив легким кивком.

Кто он тут, интересно? Официант? Мажордом? С Михеева станется и мажордомом обзавестись.

Морда у Николя невозмутимая, как и полагается вышколенной прислуге, но ей показалось, что смотрит он на нее с веселой издевкой.

Прикрывшись стаканом, она осмотрелась.

Супруги Турчины сидят по разным краям дивана. Он наливается ромом, она возится с цепочкой. Видно, застегивает на ней замочек, чтобы через голову надеть, а кулон уже низала. Странный кулон, на медальон больше походит.

Может, у нее там отравы спрятана? Приворотное зелье или что-то в таком роде? Подсыплет незаметно в питье жертвы порошочку, и все, кирдык, ты мой навеки.

Беда только в том, что все действие на глазах у Таньки проходило. Ничего Виталику в стакан не сыпали. Сам повелся, добровольно. Такие дела.

Татьяна горестно вздохнула.

И где он сейчас? Напрасно она с мужем так. Очень хочется отсюда убраться.

Или она одна уедет, вызовет такси и уедет, а муж пусть остается дела с Михеевым дорешивать. Потому что пока никакого делового предложения чиновник Родионову не озвучивал.

Идиотская мысль. Она уедет, а Виталий будет с этой крысой любовь крутить. Нет уж, держись и дальше. Точнее сказать: сражайся.

Юриста тоже не видно. Беркутова за столом все еще сидит, коньячок потягивает. О чем-то переговариваются супруги Хохловы с хозяином, стоя у музыкального центра. Музыку что ли выбирают и не могут выбрать?

К ним приблизился Николя, отвел хозяина в сторону, со-

ветуясь о чем-то. Они оба вышли.

Хохловы остались топтаться на месте, и было понятно, что они решают сложную этическую задачу: усесться ли им на диване в знак солидарности с Турчиной – то ли потерпевшей, то ли виновницей, или занять кресла у камина, выказав понимание Родионовой – то ли зачинщице скандала, то ли потерпевшей.

Татьяна поняла, что сейчас заплачет, и, стараясь двигаться размеренно и с достоинством, вышла в холл, питая надежду, что ванная никем не занята, а значит, она сможет хоть ненадолго уединиться.

Ванная была пуста.

Сколько она провела внутри зеркально-кафельного бокса, горестно вздыхая и шмыгая носом, крепясь изо всех сил, чтобы не разрыдаться и не погубить макияж – десять минут, двадцать? Примерно столько.

Когда вернулась в гостиную, увидела, что там произошли перемены.

Алекс Турчин развалился на диване, свесив руку до пола, и, кажется, тихонько всхрапывал. Опустевший стакан он поставил на палас возле изголовья.

Вокруг столика у камина сидели в креслах Сергей и Майя Хохловы, Ирина Беркутова и Лариска-крыска. Все четверо склонились над картонным полотнищем какой-то настольной игры, поочередно вытаскивая карточки из стопки и передвигая фишки. Сиделось им неудобно, на краешках, и осо-

бого азарта не наблюдалось, но интерес к игре наличествовал.

Они, как по команде, взглянули на вошедшую, но только Лариска задержала взгляд, улыбнувшись уголками губ. На секунду вернула внимание игре, но тут же снова посмотрела в сторону холла. Встала и пошла Таньке навстречу. Проходя мимо, тронула ее за рукав. Танька брезгливо шарахнулась. «Не дуйся, – сказала Лариса, – я все поняла. Мы еще подружимся, вот увидишь».

Татьяна шлепнула ее по руке и отвернулась.

Виталия в гостиной не было. А она так на это надеялась.

Пожалуй, ей требуется порция спиртного. Хорошая такая порция. Можно покрепче.

Подойдя к банкетному столу, поискала свой фужер и не обнаружила. Там теперь вообще не было фужеров. Стол был подготовлен к десерту, посему имелись на нем только кофейно-чайные чашки на блюдах и черного серебра «наперстки» для ликера. Из хороших новостей – две бутылки с ликером тоже наличествовали – «Амаретто» и «Малибу». Татьяна не колеблясь расчехлила пробку с «Амаретто» и до краев наполнила одну из стопок тягучей пряной жидкостью, одним глотком выпила, закашлялась, вытерла губы тыльной стороной ладони. Подумала и повторила. Смелым взглядом окинула пространство зала и направилась к опустевшему креслу у камина. Когда Лариска вернется, справив нужду, малую или побольше, ее место будет занято, и хрен она выгонит с

него Таньку.

Алекс Турчин заворочался на диване, завозил руками, сел, распрямляясь. Татьяна оглянулась на шум и встретила его неожиданно жесткий взгляд. Не так уж он пьян, как прикидывается. Ну, а что ему еще остается при такой блудливой супружнице? Только делать вид, что залил глаза и ничего не замечает.

– Лара! – позвал он жену, делая попытки приподняться. – Поди к папочке, крошка...

– Лариса только что вышла, – сказала Ирина Беркутова.

– Вышла? – пьяно удивился Алекс. – Ну.. Тогда я пойду ее поищу.

Он встал и нетвердой походкой направился в холл. Танька посмотрела на него с глухим раздражением. Тоже мне, воротила бизнеса, а сам – тюфяк и подкаблучник, рогатый, к тому же.

Серж Хохлов, повозившись с музыкальным центром, включил какую-то композицию Эммы Шаплин, вернулся к камину и предложил не ждать выбывшего игрока, а игру продолжить. «Что-то мне подсказывает, что сейчас ее держат более важные дела», – с ухмылкой пояснил он.

Татьяна проговорила упрямо: «Давайте начнем заново». Ей не хотелось притрагиваться к карточкам, оставленным Ларисой. С какой стати?

Настолка называлась «Клуэдо» и суть ее сводилась к тому, что следовало вычислить убийцу из пяти возможных, а

также назвать комнату, в которой убийство было совершено, и орудие из нескольких предложенных.

После выпитого ликера, легшего на сухое вино, Татьяне соображалось плохо, а игра требовала задавать правильные вопросы участникам, делать пометки на специальных карточках и мыслить логически, отмечая подозреваемых или, напротив, в подозрениях утверждаясь.

Все были подшофе, все по ходу игры косячили, и это уравнивало ее с другими игроками.

Она неожиданно увлеклась и не заметила, как первый кон был сыгран с чистой победой Иры Беркутовой. Татьяне было немного обидно, что сама не догадалась про мисс Скарлетт, пришившую полковника Мастарда гаечным ключом в библиотеке.

Появился совершенно трезвый юрист Валяев. Бросил на пол возле игрового столика диванную подушку, уселся. Сообщил, что желает присоединиться.

Спросил: «Где остальные?»

– Да, где остальные, Будимир? – вернул ему вопрос Хохлов. – Мы тут внутри сидим, ты был снаружи.

– Я был в библиотеке, – быстро ответил Валяев. – Нужно было кое-какие документы посмотреть.

– Ну да, конечно, – с понимающей улыбкой проговорил Хохлов. – Блевать ходил? И охота тебе добро переводить, а, Димка? Да не стесняйся ты так, здесь все свои. И Таточка теперь с нами, правда, лапусь?

Майя бросила испытующий взгляд на мужа. «Лапусе» отправила лучезарную улыбку.

Татьяна, машинально кивнула, соглашаясь, что она Таточка, и теперь она с ними, и с удивлением посмотрела на Валаева. Тот конфузливо развел руками.

Встрепенулась Беркутова, сказала: «Пойду Аркадия Михайловича поищу и шефа. Мы собирались проект соглашения Михееву показать, а я чуть не забыла».

Татьяна хотела авторитетно проговорить, что черновики документов сейчас по электронке для согласования отправляют, но передумала. Может, по электронке уже не круто. Может, даже и с курьером не статусно, а статусно теперь вручать наброски в виде бумажек, уложенных в папочку на завязочках, при личной встрече первых лиц предприятия с первым лицом департамента.

Ирина вышла, предупредив, чтобы вернется нескоро. Юрист занял ее кресло, начал банковать, но игра Татьяне разонравилась, да и остальные охладели. «Давайте что-нибудь более спокойное послушаем, – предложила Майя, потому что Шаплин допела последнюю песню из трек-листа, и музцентр мягко зашуршал динамиками в ожидании новой команды.

– «Подмосковные вечера»? – хмыкнул ее муж.

– «Ямщик, не гони лошадей», – так же иронично ответила Майя. – Сереж, не сходишь намекнуть, что десерт пора подавать? А то разбрелись все. Скукотища.

– Аркаша, скорее всего, новенького окучивает, – лениво проговорил Хохлов и, спохватившись, добавил специально для Таньки: – Рисует ему перспективы. Только ты, золотко, мне команду уточни: Анну Герман тебе поставить или идти обстановку выяснять?

– Можем разделиться, – с готовностью отозвался юрист Валяев. – Я девушкам музыку подберу, а ты отправляйся на разведку.

Со стороны холла донесся пьяненький голос Алекса Турчина:

– Я вот думаю, куда Лара запропастилась?

– Супруга ваша? Вот не знаю... Я Родионова ищу. Не видели? Мне с ним обсудить кое-что надо, – ответил ему голос Аркадия Михеева.

Татьяну словно током прошибло. Она выпрямилась в кресле и несколько секунд сидела так, окаменев. Посмотрела исподлобья на недавних партнеров по игре в детектив. На лицах мужиков увидела интерес, Майя Хохлова смотрела на нее с жалостным презрением.

Она проговорила Таньке в спину:

– Идешь мужа искать?

– Но это же *мой* муж, не так ли? – бросила ей через плечо Татьяна.

В холле уже никого не было. Из-за двери кухни доносились характерные звуки звеньяющих столовых приборов, из-за двери санузла не менее характерные: кого-то всерьез

выворачивало. Она решила, что Турчина.

Татьяна свернула в коридор, ведущий вглубь дома, и нос к носу столкнулась с Беркутовой. Та тоже не ожидала кого-то внезапно встретить, поэтому не приготовила лицо, на котором застыло выражение злой гадливости.

Дамы молча посторонились, пропуская друг друга. Танька порадовалась, что никаких вопросов ей задано не было.

Правая стена коридора была глухая, это и понятно – за ней располагалась гостиная, где шла гульба. В левой имелось две двери, и, распахнув поочередно каждую, Татьяна убедилась, что помещения пусты. Отметила про себя, что первое из них, уставленное по двум стенам высокими книжными шкафами и огромным письменным столом посредине, и компьютером на нем, и есть, должно быть, упомянутая библиотека, а вторая была похожа на обычную комнату обычной московской квартиры: диван, журнальный столик с двумя креслами, тумба с телевизионной панелью и что-то еще привычно-мещанское. Разница заключалась лишь в огромном оконном проеме почти во всю стену, но в этом доме все окна были такие.

Коридор оканчивался лестницей, ведущей на второй этаж, и тут Таньку пробрал страх.

Она и вправду хочет воочию увидеть сцену, которую успела нарисовать в воображении?

И как после этого ей будет житься?

Считай, вся жизнь устоявшаяся, счастливая пойдет под откос. Разделится на две неравные части: до и после.

Или неизвестность хуже горькой правды?

«Хуже», – решила Татьяна. Она стянула со ступней лодочки на высоком каблуке, прижала туфли к животу и медленно, стараясь, чтобы ни одна половица не скрипнула, начала подниматься на второй этаж.

Олеся терпеливо выслушала повествование сестры, не прерывая. Бесчисленные подробности рассказа, забирающие время и внимание, были совершенно ни к чему, но она понимала, что Танюше надо выговориться.

Время от времени Олеся бросала многозначительные взгляды на зятя, который с дивана перешел в кресло у окна, где и сидел, не проронив ни слова.

Наконец она произнесла неприязненным тоном:

– А ведь это ты Таньку подставил, а, родной? И сказать нечего?

Виталий вскочил с места, забежал по комнате, остановился напротив Олеси, нервно проговорил:

– Да знаю я, знаю! И что теперь?! Виноват, повелся на флюиды, но исправить-то как? Я бы на себя взял, да алиби у меня железное...

– Алиби? Флюиды? А по порядку можешь?

Татьяна, понизив голос, сказала:

– Понимаешь, Лен, эта Лариска настоящей ведьмой была.

– Со слов твоего мужа? Мило. Заколдовала, выходит, благоверного. Чары навела. Хорошая отмазка.

– Да ни при чем тут мистика! – раздраженно проговорил Виталий. – Была бы ты мужиком, поняла бы меня, а так – и объяснять бессмысленно.

– Да? А Танька как же? Вроде и не мужик, а тебе поверила.

– Это разные вещи. Сама видишь, что не о том она говорит. По-своему переиначила.

– А что, не так разве? – заволновалась Татьяна.

– Так, малыш, так, – устало проговорил муж. – Да не совсем. Понимаешь, Олесь, она только до руки моей дотронулась, а у меня по телу волна прошла с головы до... копчика. А потом посмотрела на меня... Я такую в ней ощутил власть обволакивающую... Могущество, что ли... И она точно знала, зараза, что этим могуществом сумеет любого мужика пригнуть, кого ей только заблагорассудится... И при этом такие обещания зашквальные в ее взгляде были, что у меня в мозгах все перемешалось. Хищная гениальная самка, понимаешь? Нет? Я так и думал.

– Но что-то демоническое в ней все-таки есть! – упрямо сказала Татьяна. – То есть было.

– Ну, хорошо, хорошо, малыш, было. Спасибо, что оправдать меня стараешься.

«Она старается для себя самой, дубина! – сердито подумала Олесь. – Ей так проще тебя простить, кобеля блудливого».

Справедливости ради стоит заметить, не наблюдалось раньше за зятем ничего такого... кобелиного. Однако и на

старуху бывает проруха. Или лучше про тихий омут поговорку вспомнить?

Олеся его спросила иронично:

– И это все? Взглянула на тебя влажным взором, ты и поплыл?

– Влажным? Пожалуй, нет. Она была классом выше, чтобы вульгарными приемами пользоваться. Да и ни к чему ей было. Их, таких опасных, единицы, должно быть. Лично я сталкиваюсь впервые, но наслышан. К тому же психолог была неплохой, а может, просто опыт. Короче. Она мне сказала: «Отдохните, хватит уже. Ваша спутница из вас клоуна делает».

– Это она о чем?

– Это она о нашем с Витей флирте... – прогундосила сестра и снова зарыдала, на этот раз от стыда и унижения, как рассудила про себя Олеся.

– Ясно. Этим она тебя и сделала, дружок. И ни при чем тут флюиды. Идиотское мужское самолюбие, я права? Если ошибаюсь, ответь, почему не одернул ее и не сообщил, что Танька тебе жена, а не какая-то «спутница»! Я лично думаю, что ты побоялся остроумия про мужа на коротком поводке. Или тебе все-таки захотелось побыть немножко холостяком на этом приеме?

– Ааа!!! – возмущенно-жалобно выкрикнула Танька и резко приподнялась на диване, облокотившись рукой о сиденье: волосы взлохмачены, глаза безумные. – Что ты несешь, Лель-

ка?! Мне и так фигово, а ты тут такие вещи измышляешь!.. Витя, скажи ей!

– Твоя сестра просто не в курсе, – сердито ответил Виталий, а Олеся сказал: – Михеев нас с Татьяной как супругов всем остальным представил, и Лариса это хорошо слышала. А Таню она назвала моей спутницей, чтобы статус ее понизить. Как мне думается.

– Но ты ее не поправил! Почему? – требовательно спросила Олеся.

– По кочану, – огрызнулся зять. – Может, не хотел разговор продолжать. Не понравилась мне моя реакция на эту русалку, вот я и решил купировать контакт. Такую версию ты принимаешь?

– Допустим. Хотя тот факт, что ты отмолчался, сильно похоже на предательство. Тем не менее, я тебе верю. Но ответь, пожалуйста: вот когда Турчина тебя под ручку ухватила и на танец повела, отчего отказать не смог? Потому что не захотел? Чтобы смешным не выглядеть? Типа, не подкаблучник ты, а вольный казак? Если бы отказался, то и беды бы не произошло. Не устроила бы Танька скандал в результате, и никто бы впоследствии не заподозрил ее в преступлении по причине наличия мотива.

– Слушай, Лёля, ну не мучь ты меня!.. Виноват, признаюсь, и перед Таней повинился, но что я еще могу сделать? Я же говорю, взял бы на себя, да алиби железное.

– Про алиби отдельный вопрос. Всем известно: если оно

железное, это очень подозрительно. Кто тебе его обеспечил, алиби твое?

Танька перестала хлюпать и взглянула на Виталия округлившимися глазами. Быстро вскочила с дивана и кинулась ему на шею. Ликующе проговорила:

– Так это ты прихлопнул гадину! Да, Витька, ты? А я, кретинка, думала, что тебе все равно... А ты...

– Нет, малыш, нет, – освобождаясь от ее объятий и снова устраивая на диван, проговорил Виталий. – Это был не я. И не ты. Тебе просто не повезло. Ты оказалась не в то время и не в том месте.

Танька сникла. Подтянула колени к подбородку, уткнулась в них носом. Виталий укутал ее пледом. Она дернула плечом.

«Напрасно она так, – неодобрительно подумала Олеся. – Хотя... Будь ты на ее месте, неизвестно, как бы себя повела».

– Ну, рассказывай, что сам делал и где был в момент преступления, – потребовала Олеся.

– Зачем тебе подробности? – набычился зять. – Достаточно того, что я не мог его совершить. У меня...

– Алиби, я помню, – оборвала его Олеся. – Видишь ли, Витя... Те люди из полиции, которые Танькино дело вели, вполне могут считаться высокими профессионалами, и, скорее всего, ими являются. Но для них моя сестра – проходной персонаж и обезличенный к тому же. И разбирались они в этом деле по многожды отработанной схеме, дающей быст-

рый результат. Они его и получили быстро. Я – дилетант. Я меньше, чем дилетант. Но Танька для меня – это Танька. Поэтому я выискивать буду любую зацепку, чтобы увидеть то, что предпочли не заметить они. Увижу и до них донесу. Донесу, будь уверен. Поэтому кончай пузыриться и выкладывай все по порядку.

Произнеся последнюю фразу, она осеклась, себе неприятно удивившись.

Что с тобой происходит-то, Лёля? Откуда агрессия, язвительный тон, выражения, опять же, хамские?..

Тебе, конечно, нравится острить, и это у тебя неплохо получается, однако твои шутки на выходе всегда беззлобные и безвредные. А сегодня не успела порог родионовской квартиры переступить, как принялась Витьку шпынять, да и Танюшке досталось. Ты сделалась язвой, Олеся? Вот так вдруг и внезапно перекинулась?

Все просто: за Таньку испугалась, на Витьку разозлилась, вот и весь ответ.

Ну что ж, обосновала. Но все же будь поаккуратней. Иначе прирастет намертво шкурка, и из кратковременной язвы превратишься в постоянно действующую. Станешь желчной и злобной разведенкой, от которой будут шарахаться подружки и приятели. Хотя приятелей у тебя как раз и нет. Но если станешь язвой, то их никогда не будет.

Мужики только на словах тащатся от стерв. Брешут. Стерв никто не любит. Но мужики парадоксально к ним тя-

нутся. Глючится им, болезненным, что смогут стерву приручить, а это круто – в глазах друганов и всего окружающего мира. Ага, как же, приручил один такой. А если и приручил, значит, то была не стерва.

– Витюш, – сказала она, – извини, заносит меня что-то. Нервы. Расскажи все-таки, что следователю рассказывал. Вдруг упустил какой-нибудь нюанс, а сейчас вспомнишь...

Он кивнул. Откашлялся в кулак. И начал говорить, глядя поверх Танькиной макушки:

– Когда Таня в кресле у камина сидела, я подошел к ней, а она от меня шарахнулась. Я хотел ее поддержать! Чтобы она поняла, что мне абсолютно по фигу, как остальные ее поступок расценивают. Она мою руку с плеча сбросила, вот как только что, один в один. Я обиделся, естественно. Тем более, эти самые «остальные» пялились отовсюду. Когда я это заметил, мне сделалось совсем хреново. И зло разобрало. Решил проветриться.

Он вышел из гостиной, остановился в центре пустого холла. Из-за закрытой двери кухни доносились звуки льющейся из крана воды, звон столовых приборов, а еще запах ванильной выпечки и кофе, но Родионову было не до десерта.

Видеть не хотелось никого.

Если устроиться на пуфике за пальмой, кто-нибудь из гостей все равно его отследит, займет соседний и привяжется с разговорами. Хорошо, если не «русалка». А если она? А

если вслед за ней выйдет в холл Татьяна?

Танькой он дорожил. Родионов хорошо понимал, что ему самому выгодно, чтобы жена была с ним счастлива и спокойна. Он был тотальный прагматик и посему придерживался твердого убеждения, что брак должен быть крепким, как броня, таким, чтобы при любой передрыге можно было укрыться в своем логове, отсидеться, набраться сил, зализать раны, если они случатся. Никакая интрижка на стороне не стоит разбалансировки в семье, которая непременно в результате произойдет – рано или поздно, но непременно. Он наблюдал у других, он знает. Тогда повседневная жизнь превращается в тяжкую муку, и уже не до бизнеса, не до отдыха на побережье, вообще ни до чего. Слезы, истерики, битье посуды. Упреки в ответ на недомолвки и ложь... Бумерангом встречный левак.

И ради чего все это? Ради какого волшебного праздника уничтожать свою безопасную тихую гавань?

Все эти «праздники» – обманка, похмелье догонит, и в одночасье сделается на душе мерзко, как будто сам себе в карман нагадил.

Даже если, обманывая жену, станешь обманывать и совесть, закон возмездия не обхитрить. Правда, в этом случае расплачиваться придется не сразу. Но придется.

И опять же: чем его, взрослого мужика, может удивить любая из баб – хоть соплячка, хоть матерая? Что продемонстрирует такого невиданного, чего нет у его Татьяны или че-

го она не умеет? Смешной вопрос.

Но если он все-таки настолько обезумел, что решится ей изменить, то истериками не отделается. Его жена не такая. И в этом он только что убедился, слегка даже струхнув.

Он прошел на террасу, сбежал по ступеням и направился в сторону сада.

Спустились осенние сумерки, самое ненавидимое им время суток, когда от дневного света остается серая вязкая подсветка и давит на глаза и раздражает своей незавершенностью.

Но дышалось в саду легко, и главное – никого не было рядом. Прогулка пошла на пользу нервам, Виталий немного успокоился и принялся размышлять.

Нужно уезжать отсюда. Хрен с ним, с деловым предложением расфуфыренного бюрократа. Дома он все объяснит жене, и впредь постарается не пересекаться с Ларой – хищницей вкрадчивой, лстивой и наглой.

При мысли о ней сердце скакнуло и дыхание непроизвольно участилось. Он ругнулся.

Прагматик, говоришь? До мозга костей – семьянин примерный? А может, судьба тебя просто-напросто щадила, индюка самодовольного, и не встречался ни с какой такой вот... как эта?..

Уезжать нужно срочно. Можно и не попрощавшись.

Вряд ли он бродил по михеевскому участку дольше десяти минут, но с уверенностью назвать время не смог бы.

Выйдя на гранитную дорожку, пролегающую через свежестриженный газон перед особняком, увидел самого хозяина, стоявшего на террасе возле входной двери и озирающегося по сторонам. Михеев выглядел растерянным, и это ему не шло.

– Виталий Сергеевич, а я вас потерял! – выкрикнул он радостно, опознав Родионова.

– Да вот... Прогуляться решил... Освежиться, – ответил Виталий, подходя к порожкам террасы. – У вас замечательный сад. Восьмое чудо света.

– Буду рад видеть вас у себя почаще, – улыбнулся хозяин и добавил: – А давайте поговорим тет-а-тет, не возражаете? Пойдемте, я провожу вас в тренажерный зал, там никто нам не помешает.

Он легко пробежал по ступеням крыльца и, сделав приглашающий жест, направился к боковой стене дома, в которой на уровне цокольного этажа имелась дверь, ведущая в полуподвал.

Тренажерный зал своим размерами и отделкой впечатлял не меньше, чем сам коттедж, однако оборудован был скудно. В распоряжении желающих подкачать мышцы имелась свисающая с потолка боксерская груша, велотренажер в центре помещения и пара двухкилограммовых гантелей на топчане возле двустворчатого шкафа, куда, надо полагать, предусмотрительно был уложен фен, а также смена белья, махровые полотенца и купальный халат. Предположение насчет со-

держимого шкафа подтверждалось наличием в левом углу зала душевой кабины, а также монументального массажного стола у правой стены.

Фуф, – с легкой досадой проговорил хозяин, – присесть-то негде, я как-то не подумал... Если только топчан разгрести. Не беда, устроимся как-нибудь. Кстати, мне вот такая мысль в голову пришла: а не пригласить ли мне на наш блиц Алекса Турчина? Думается, вам будет о чем с ним потолковать. Подождете минутку? Я мигом. А вы, если хотите, можете пока в дартс сыграть. Умеете? Вон мишень, там же и дротики.

И вправду мишень с воткнутыми в нее дротиками была на стене, а Виталий сразу не заметил. Но этот вид спорта его не забавлял, и он сказал, что просто полистает новостную ленту.

– Ну, как вам угодно. Тем более, что я ненадолго, – бодро проговорил Михеев и заспешил по ступенькам вверх.

Он и вправду отсутствовал всего несколько минут, но за это время успел не только сделать распоряжение повару насчет десерта, но и прихватить из библиотеки – как он сказал сам – стограммовую фляжку коньяка и два хрустальных лафитничка. Коньяк пронес за брючным ремнем, спрятав на животе под джемпером, а стопки, хитро подмигнув Родионову, извлек из боковых карманов штанов.

– А давайте выпьем за знакомство и взаимовыгодное сотрудничество, – предложил он, водружая на массажный стол принесенные предметы. – Почему-то мне кажется, что мы

договоримся. Я рассчитывал, что Алекс поможет мне вас убедить. На своем, так сказать, примере. Но он как-то быстро... устал. Значит, с ним вы потолкуете позже, если потребуются дополнительные аргументы. Видите ли, уже завтра мне надо решить один важный вопрос в министерстве, а без консультации с вами не хочу. Я вам сейчас коротенько суть дела обрисую. К гостям нам нужно будет вернуться не позже девятнадцати, чтобы десерт не задерживать. Думаю, успеем. Сейчас у нас...

Он вздернул рукав джемпера, обнажив на запястье пластинчатый браслет из серебристого металла с часами – самыми обыкновенными, «Касио», которые и Родионов мог бы себе позволить.

– Ё-мое, – проговорил удивленно, – уже столько?! Или они спешат? Виталий Сергеевич, сколько на ваших?

Виталий достал из кармана смартфон, всмотрелся в дисплей, проговорил:

– Восемнадцать сорок две. А, нет – сорок три уже.

– У на моих столько же. Ничего, я думаю, народ не обидится, если мы слегка запоздаем.

Он ловко откупорил фляжку и плеснул коньяка в каждую стопочку примерно на треть. Одну передал Виталию. Тот с полуулыбкой принял.

И в этот момент у них над головой раздался пронзительный визг. Звук был приглушен, поскольку доносился откуда-то из-за стен и потолочных перекрытий, но было понятно,

что визжала женщина. Долго визжала, минуту, наверно. Потом зашлась истерическими рыданиями. Мужчины замерли, оцепенев от предчувствия беды.

– Что это? – разжал губы Виталий. – Ваши гости смотрят страшилку? И отчего все так хорошо слышно?

– Здесь проходит вентиляционная шахта, – с побелевшими губами ответил Аркадий, кивком головы указав на решетку под потолком. – Что-то произошло. Нужно срочно выяснить, что. Вот дьявол. Не надо было мне отлучаться!

Они бегом направились в дом.

На первом этаже никого не было. Вбежали по лестнице на второй. В коридоре второго этажа обнаружили сразу всех. Почти всех.

В полной тишине гости толпились у распахнутой двери одной из комнат, не решаясь войти. Изнутри доносилось тихое поскуливание.

Михеев протиснулся между Валяевым и Хохловым, толкнув нечаянно Валяева. Извинился, хлопнув того по плечу. Потеснил Турчина, стоявшего ближе всех к дверному проему. Остановился на пороге как вкопанный. Выругался. Не поворачивая головы, сказал: «Дружище, тут такое дело...» И взглянул на Родионова. Покосился на Турчина.

Юрист произнес предостерегающе:

– Только внутрь не заходите.

И добавил:

– Нужно вызвать полицию.

– Так, – проговорил Хохлов севшим голосом, – мы с женой уезжаем.

– А стоит ли? – безразличным тоном поинтересовался Валяев, но вопрос был риторический. – Вас обоих вызовут любому, а подозрения на ваш счет усилятся.

– Какие еще подозрения?! – вызверился Хохлов. – Ясно же, кто ее замочил.

– А вот если вы слиняете, будет неясно, – мягко парировал Валяев.

– С чего вы решили, что она мертва? – послышался голос Ирины Беркутовой. – Нужно скорую вызывать. Или вызвали?

– Приедут и все следы затопчут?! – возразил Михеев, нервно оглядываясь.

Турчин, помедлив, вытащил смартфон и набрал номер скорой.

Виталий смотрел на всех этих людей, утративших игривость и пафос, искал среди них Татьяну, и не находил.

«Убили?! Таньку?!» – и он шагнул к двери.

– Вам лучше здесь остаться, – предостерег его Михеев.

Виталий отпихнул чиновника, но дорогу ему заступил грузный Турчин.

– Понятно, – протянула задумчиво Олеся. – Минус два, получается. Точнее, минус три, потому что Танька по определению не убивала. Мне потребуется список гостей. Вита-

лий, сделаешь? И все, что про каждого успел узнать, прибавь, пожалуйста.

Тот кивнул, но проговорил:

– Только что тебе даст этот список? Тем более, что их контакты мне неизвестны. Михеев, конечно, располагает. Но захочет ли он с тобой говорить? Хотя... погоди! У меня же их визитки есть! Совсем из головы вылетело.

Татьяна взглянула на мужа. Спросила со слабым интересом:

– Откуда у тебя визитки?

– Танюш, это когда вы с мадам Хохловой в холле задержались, а все уже были в гостиной. Тогда мы с Турчиным и обменялись визитками. А потом и с остальными. Кроме Михеева и... покойной.

– Ей визитки не полагалось, – желчно произнесла Танька и уселась поудобнее, подобрав под себя ноги. Плед она отбросила в сторону, и Олеся сочла это хорошим признаком.

Из прихожей вернулся Виталий, неся серебристый футлярчик визитницы. Сел в кресло рядом с чайным столиком, вытряхнул на полированную поверхность ее содержимое. Глянцевые разноцветные прямоугольнички улеглись неровным веером. Виталий выбрал несколько картонок, передал Олеся. Спросил с сомнением в голосе:

– И как они тебе помогут? Обзванивать станешь? А скажешь что?

– Сначала буду думать, Витя, буду думать. Не напрасно же

я креативный директор в агентстве...

Она помолчала минутку, а потом произнесла:

– Тань, ты хозяйка вообще-то, или где? Чайку сестре организуй. Попьем чайку с медком и крендельком, а потом ты мне расскажешь, что увидела в той комнате. Справишься?

– Справлюсь ли чай заварить? – кисло улыбнулась Татьяна.

– Нет, Танюха, я не про чай. Тут я в тебе не сомневаюсь. Сможешь ли снова вспомнить подробности ситуации? Захочешь ли? Очень надо, поверь.

Татьяна, прижимая к груди туфли, медленно поднялась на второй этаж. Главное, никого сейчас не встретить, а то позора не оберешься. Но с кем она может столкнуться, кроме Виталия и этой крысы, вместе или порознь? Хохловы и Валяев в гостиной, Беркутова тоже там, скорее всего. Николя на кухне, Турчин в сортире, а сам хозяин, похоже, вышел на улицу Виталия искать, чудак-человек.

Лестница вывела ее в маленький холл, а оттуда – коридор, такой же, как на первом этаже, с одним отличием – светильники были другие, сталинский ампи́р, а пол устилала ковра-вая дорожка, бордовая, с темно-зеленым орнаментом по бокам.

По левой стене коридора имелась лишь одна дверь, и то на другом его конце, тогда как по правой – целых четыре. Решив действовать методично, начала осмотр с ближайшей

правой.

Комната за первой дверью оказалась спальней с доминирующей в ее пространстве широченной, белого дерева, кроватью, переутяжеленной фигурными излишествами и инкрустированной желтым металлом. Ложе было застелено жемчужно-белым шелковым покрывалом – абсолютно не смятым. Из-под величественного карниза, венчающего оконный проем, мягкими складками спадали парчовые портьеры, украшенные золотистой бахромой с бомбошками и кистями. Обстановка комнаты в целом напоминала фотки из каталогов пафосных мебельных магазинов и потому казалась скучной и неинтересной. Кроме кровати, имелся туалетный столик, уставленный мужским парфюмом, перед столиком – пуфик, у противоположной от кровати стены – четырехстворчатый платяной шкаф с зеркалами по фасаду. Вопиющий и совершенно мещанский шик.

За второй дверью Татьяна, к своему удивлению, обнаружила еще одну спальню, убранство которой было попроще: вместо царского ложа – тахта под пушистым пледом, да и шкаф имел две створки, а не четыре.

Решив, что это комната для гостей, Татьяна, не входя внутрь, дверь тихонько прикрыла.

За третьей дверью была ванная, совмещенная с туалетом, и это помещение сильно отличалось от того, в котором Татьяна успела побывать, когда приводила нервы в порядок. Чего стоила только джакузи диаметром метра в два, а про-

чую чепуховину: душевую кабину, унитаз и биде, а также всякие-разные шкафчики и полочки, и их сияющие дверные ручки, кафель стен, зеркала и светильники – можно даже не упоминать.

«Неплохо зарабатывают бюджетники», – хмыкнула Татьяна, покидая царский санузел.

Лицезрением тутошных красот она отвлеклась от своих скорбных мыслей, и даже, кажется, напряжение спало. Но, подойдя к последней в правом ряду двери, вспомнила, зачем она здесь.

Ее пробрал озноб.

В какую из двух необследованных комнат ей зайти сначала? В ту, что за правой дверью? Или за левой, которая напротив?

Левая была приоткрыта, призывая войти.

Татьяна толкнула ее легонько, тяжелая створка мягко и беззвучно поддалась. Кинув взгляд в открывшееся пространство, она поняла, что перед ней зимний сад, который на крыше.

Она ступила в застекленный бликующий полумрак, окинула взглядом ряды напольных кашпо с сидящими в них гигантскими опунциями, фикусами, пальмами, вьющимися по пальмам и спадающими до пола лианами и какими-то еще удивительными растениями, название которых ей были неизвестны. Сад был тих, прозрачен и пуст.

Вернулась в коридор.

Последняя комната.

Танька перевела дух.

Тут-то мы их и застукаем.

Дверь она открыла рывком и настежь. Переступила порог.

Слегка удивилась, сообразив, что находится в каком-то служебном помещении, довольно просторном, скорее всего – кастаньянской.

В сумеречном свете, приглушенном оконными жалюзи, она увидела у правой стены простенький рукомойник, стиральную машину, за ней – большую гладильную доску. Слева от входа стояла П-образная вешалка на колесиках, заполненная под завязку Михеевским шмотьем. Похоже – отстиранным, отчищенным и отутюженным.

Середину комнаты занимала напольная сушиллка с растопыренными створками. На ее решетках сохло что-то в сине-белую клетку – одежда, белье, полотенце?

Было тихо: ни шелеста, ни шепотка, ни звука затаенного дыхания... А слух у Родионовой был о-го-го!

Танька облегченно вздохнула. И устыдилась своей слежки – поступка весьма недостойного, надо заметить. Вот, дуреха какая. Пожалуй, не будет она рассказывать Витьке про свой демарш, обидится еще. Даже наверняка обидится.

А что она скажет, если ее застанут здесь?

Ну... Придумает что-нибудь. Искала туалет, потому что на первом этаже был занят. И заблудилась! Да, именно так – заблудилась.

Ей захотелось осмотреться, и она включила свет, нащупав выключатель сбоку от двери.

Неспешно вспыхнули по периметру потолка люминесцентные трубки светильников, и тогда Татьяна смогла увидеть все, что было дальше за сушилкой.

На противоположной стене, вплотную к подоконнику, был придвинут стол – похож на письменный – со швейной машинкой на нем. В углу, слева от стола, еще один столик, низенький, на котором стоял электрический чайник и блюдо с... печенюшками? Конфетами? Ей было не видно от двери. Над столиком – полка, в глубине которой невысокой стопкой лежали книжки в мягком переплете, стояла жестянка индийского чая, керамическая кружка. Перед столом – простенькое компьютерное кресло.

Ее память восприняла картинку как панорамный стоп-кадр, который моментально отпечатался в сознании. Рассмотреть все методично и с умеренным любопытством, чтобы запомнить и впоследствии рассказать Витюше, она не успела.

Потому что интерьер в целом уже не имел никакого значения – склонившись до полу, чтобы аккуратно поставить туфли и наконец обуться, Танька увидела за и под рамой сушилки знакомые алые розочки, расплывшиеся кровавыми пятнами по черному шелку.

– Эй, – страшным шепотом проговорила она, не разгибаясь, – эй, Лариска, шалава, ты зачем разлеглась?.. Вставай,

шалава, или я тебя из чайника обдам...

Почему-то она не удивилась, не услышав ответа.

Меленькими шажками, прихрамывая, с туфлей в руке, Татьяна обогнула шаткую конструкцию и застыла на месте, и похолодела от ужаса, увидев распростертое на полу неподвижное тело с неестественно подогнутыми ногами, с правой рукой, откинутой в сторону, и левой – лежащей на животе. Тело было явно Ларискино, судя по прикиду и волосам. Судить по лицу Танька не могла – на нем расположился утюг, прикрывая черты, хоть и сполз подошвой несколько на сторону.

Туфля выскользнула из рук. Татьяна дернулась ее подбрать, и наткнулась взглядом на валяющуюся возле Ларискиного локтя золотую вещицу с обрывком цепочки.

Не сразу, но все-таки до нее дошло, что это был тот самый кулон, который она, скандаля, час назад сорвала с Ларискиной шеи. Хотя не кулон это был, а винтажный медальон с механическими часиками внутри, Танька видела такие в витрине ломбарда. Но эти уж точно теперь не перепродашь: лицевая крышечка была наполовину сорвана, стекло дало трещину, а что показывали стрелки, ей было все равно! Потому что утюг на лице покойницы она больше сносить не могла.

Заскулив тихонько, трясущейся рукой Танька его сняла – он был не очень тяжелый, обычный, на тефлоновой подошве. Увидев остекленевшие глаза и кровавое месиво над правым ухом неудачницы, вознамерившейся разлучить их с Ви-

тальной, она отпрянула назад и завизжала – истошно, пронзительно, страшно. Так и не впустив из рук утюга, упала спиной на сушилку, опрокидывая, и заваливаясь навзничь.

В падении она основательно приложила копчиком к ее металлическому остову, боль была оглушающе острой. И это ее доконало. Сидя на полу, она принялась истерично рыдать с подвываниями и не делала попыток подняться.

Когда умолкла, обессилив, услышала из-за спины спокойный голос: «Все-таки ты ее пришибла».

– И кто это был, такой невозмутимый? – поинтересовалась Олеся.

– Не знаю! – несчастным голосом воскликнула Татьяна. – Я же плакала, Лёля! У меня тушь потекла, глаза щипало! Я их подолом протереть пыталась, да куда там!.. Только несколько силуэтов в дверях и увидела. Но что интересно – потом никто не признался, что эти слова произнес. Никто.

– То есть, ты их следователю передала?

– Конечно, – выпрямилась в кресле Таня. – Я не убивала. Почему я должна утаивать, что кто-то хотел на меня преступление свалить? Может, этот кто-то и есть убийца.

– Помогло? – с грустной улыбкой спросила Олеся.

Ей никто не ответил.

– Ты так и сидела на полу до приезда полиции?

– До приезда скорой. Про скорую Беркутова догадалась. Говорит: «Может, она жива еще. Может, ей помощь меди-

цинская нужна, а мы время теряем». Полицию уже медики вызвали.

Татьяна тихонько заплакала, вытирая слезы пятерней, как очень огорченный и напуганный маленький ребенок, и у Олеси зашло сердце от жалости.

Она встала со своего кресла, торопливо подошла к сестре, обхватила за плечи. Танька уткнулась ей в живот мокрым от слез лицом. Сказала: «Как же все погано, Олеська...»

Олеся гладила ее по голове и молчала, потому что Танька была права: все было очень погано.

– Скажи, Танюш, я правильно поняла, что с четой Турчиных никто из гостей знаком не был? Кроме Беркутовой, конечно, если уж они втроем на банкет прибыли, и самого хозяина.

– С Лариской даже сам Михеев не был знаком. Поэтому менты вцепились в меня намертво! У меня, видите ли, мотив имеется! Нашли мотив, уроды!

Не отвлекаясь на «ментов-уродов», Олеся продолжила мысль:

– Но ведь друг с другом-то эти трое давно знакомы были, верно? Значит, можно строить гипотезу. Даже две. Первая: Лариску кокнул ейный супруг по причине изматывающей ревности; вторая: ее прикончила Беркутова, и, кстати, вела себя она странно, а мотив для нее отыщется, если поискать.

Виталий хмуро проговорил:

– Я предполагаю, что у каждого из участников какое-ни-
какое алиби, но есть. В отличие от Тани. Предварительное
следствие практически завершено, обоснование ее виновно-
сти сформулировано. Сейчас в полиции решают, не назна-
чить ли судебно-психиатрическую экспертизу. Если выявят
отклонения...

– Можешь не продолжать. Это смягчит приговор. Или во-
обще приговора не будет.

– А будет психушка! – выкрикнула Танька. – Нормальная
альтернатива!

– Поборемся, Тань, мы поборемся еще, – проговорила
Олеся и потрепала сестру по макушке, и подмигнула, улыб-
нувшись.

Обращаясь к Виталию, спросила:

– А почему бы следователю не задаться вопросом, как мо-
жет такая вот балерина, как наша Танька, проломить череп
утюгом, да еще левой рукой?

Виталий сказал, скривив губы:

– А в состоянии аффекта. Запросто может.

– На все-то у них есть ответ.

– Работа такая, – мрачно сострил зять.

– Ладно, ребят. Поеду я уже, – вздохнула Олеся. – Все
мне более-менее понятно, буду думать. Завтра же начну что-
нибудь предпринимать.

Про завтра – это она для Родионовых сказала, чтобы под-
держать их как-то. Сейчас в голове было пусто. Хотя поутру,

может, и впрямь какая-нибудь дельная мысль забрезжит, и Олеся не преминет ею воспользоваться.

Татьяна встрепелась, сказала, что приготовит сейчас что-нибудь на скорую руку, но Олеся отказалась, сославшись на поздний час. Ей очень хотелось оказаться одной, и полупустой маршрутный автобус вполне подходил для этой цели. Глядя в окошко на плывущие мимо темные улицы с яркими витринами и блеклыми фонарями, она сначала попробует от всего отрешиться, а затем уж собраться с мыслями. Жаль, что до метро ехать только три остановки. Хотя и там ей никто не помешает думать.

Посоветоваться бы с Лапиной, но беспокоить начальницу вечером пятницы не хотелось. Может быть, завтра. Если ничего не придумается само.

С начальницей Олеся повезло, а это редчайшая редкость, равносильная чуду. Надежда Лапина являлась гендиректором в «Радуге причуд», и выше ее по статусу был только сам владелец рекламного агентства, Филипп Мещеренко, в простонародье – Фил Ящер, махровый мизантроп с абсолютно несносным нравом. Надежда Михайловна, года три назад заступив на должность исполнительного директора, сделалась превосходным буфером между самодуром-сеньором и его крепостными. Ящер остерегался задевать Надежду по двум причинам: во-первых, она была великолепным стратегом, дипломатом, психологом и, наконец, завхозом – настоящий подарок свыше для его фирмы, а во-вторых, с Иваном

Лапиным, а по-простому – Иваном Кувалдой, мужем Надежды Михайловны, Фил Ящер в далекие девяностые партнерствовал по бизнесу, недолго, но ярко. Им обоим хватило ума партнерство вовремя расторгнуть, в результате чего они сохранили приятельские отношения, сдабривая неформальные встречи изрядной долей сентиментальных воспоминаний и смакуя общее чувство причастности к той безумной эпохе, где многое пьянило, а еще большее – калечило и убивало.

Довольно быстро Фил убедился, что может спокойно передоверить управление фирмой Кувалдиной жене, после чего повысил ее статус до генерального, а сам замутил еще один бизнес, вложив капитал в совместное предприятие с китайскими товарищами.

Посему ни единой встречи в реале с хозяином фирмы у Олеси Звягиной не случилось, чему она была безмерно рада. В качестве информации о большом боссе ее вполне устраивали легенды, коими в изобилии снабжали желающих девчонки из делопроизводственного отдела и дамы из бухгалтерии, а больше ни с кем она и не общалась. Она работала удаленно, и даже отдельного кабинета у нее в «Радуге причуд» не было, несмотря на громкий статус главного креативщика. Лапина распорядилась организовать в своей приемной для Олеси полноценное рабочее место – с хорошим ноутбуком и прочей канцеляркой, что и было исполнено, но и это место неделями пустовало. Для начальницы был важен результат,

и Олеся никогда ее не подводила.

К работе на фирму ее привлекла сама Надежда Михайловна, вытащив из фрилансеров.

А до фриланса Звягина работала дизайнером-верстальщиком в небольшом еженедельнике «Пути и тропы». Газета была печатным изданием, хотя сетевая версия тоже имелась. Однако шеф-редактор на интернет особую ставку не делал, работал по старинке, а напрасно. Желających разместить рекламу в бумажных «Путях и тропах» становилось все меньше, наконец их поток иссяк совершенно. Газету прикрыли, сотрудников распустили.

Олесе было жаль газету. Ей нравилась атмосфера некоего специфического пофигизма и анархии, царящая в коридорах и комнатах редакции в течение четырех дней недели, и шального веселого аврала перед сдачей материала в типографию, начинающегося с одиннадцати тридцати пятницы вплоть до двадцати двух ноль-ноль того же дня. И журналисты горластые нравились, и выпускающие редакторы, и даже оба бухгалтера. А конфликты с агентами по рекламе – четырьмя скандальными возрастными тетеньками – она таки научилась пресекать, хотя иногда они и пытались затеять свару то по поводу срочности их заявки на макет, то по поводу не такого, как им виделось, рекламного модуля, сотворенного Олесей буквально за минуты в связи с той же возникшей ниоткуда срочностью.

Звягина была приветлива и улыбчива, и поначалу тете-

нек это вводило в заблуждение. Они коллективно решили, что такой беззубой личностью можно помыкать как захочется. У каждой из них это получилось по одному разу, ровно по одному. Олеся, оценив повторное хамство как попытку поставить ее под себя, невозмутимым голосом и не поворачивая головы от «макинтоша» сообщала очередной подбочившейся рекламщице свое видение ситуации: «Не надо обещать невозможное, Зоя Ивановна. Это я не про себя, а про вас. Не надо обещать рекламодателю в четверг вечером, что в субботу утром он увидит материал о своем детище на страницах нашей газеты. Если только вы не собираетесь ваять макет самостоятельно. Или сами не будете писать рекламную статью».

Про статью Олеся добавляла из сочувствия к журналистам, поскольку по отношению к ним тоже практиковались подобные наезды. И все под предлогом, что добывают издательскому дому деньги лишь одни героические продажныцы, а все остальные, включая шеф-редактора и гендиректора, ни кто иные, как нахлебники и дармоеды.

После Олесиной тирады Зоя Ивановна возмущенно выпучивала глаза и набирала в легкие много-много воздуха, чтобы дать отповедь зарвавшейся «обслуге», но произнести не успевала ни слова. Олеся, развернувшись наконец в ее сторону, добавляла: «Мне нужно работать. А вы мне мешаете. Направьте мне на почту заявку, и, если успею, то сделаю».

Со временем тетеньки из отдела по сбору рекламы научи-

лись вежливо просить вместо нахраписто командовать, отношения наладились, причем настолько, что Олеся бывала не раз приглашена в их комнату на отмечание чьей-нибудь днюхи. Может быть, они и затаили к Звягиной неприязнь, но внешне все выглядело так, как будто, напротив – зауважали.

Сейчас Олеся с теплом вспоминает этот период своей жизни, несмотря на тетенек-рекламщиц.

Хотя были дни, когда она в мерзком настроении после очередного «рабочего момента» радовалась, что у нее есть к кому возвращаться по вечерам, и хрен с ними, со злыднями, портящими ей кровь на работе.

А потом настали дни, когда она радовалась, что ей есть куда уходить – сбегать? – по утрам из дома.

На момент, когда гендиректор собрал коллектив редакции в единственной просторной комнате на восемь журналистских столов, из которых занято теперь было только три, с тем чтобы объявить подчиненным безрадостную новость, Олеся уже проживала в своей малогабаритной квартире, вернувшись со съемной. И радовалась, что год назад не поддалась порыву пригласить Янека к себе.

Они собирались расписаться, но все откладывали почему-то. Точнее не почему-то, а по причине: постоянно находились какие-то более важные дела в сравнении с двадцатиминутной поездкой на его автомобиле до районного загса, дабы подать заявление.

Ей мечталось о пышной свадьбе с множеством гостей, о

свадебном путешествии в какую-нибудь экзотическую страну и, конечно, венчании в церкви, но это немного погодя. Но непременно.

Положив голову ему на колени, а ноги в пушистых тапочках водрузив на мягкий подлокотник дивана, Олеся рассуждала вслух, рисуя эти волшебные картины. Ян снисходительно улыбался, глядя узкой ладонью ее по коротко стриженным рыжевато-русым волосам и соглашаясь.

Чтобы родить ребенка, молчали оба, но Олеся считала, что ребенок – это естественное следствие счастливого брака, а она намеревалась в браке быть счастливой. Видимо, Янек придерживался такого же мнения – как думалось Олесе.

Ян снимал жилплощадь не потому, что был приезжий. У его родителей имелась трехкомнатная, где он и был прописан. Но он неплохо зарабатывал, сделавшись к тридцати двум годам классным программистом, и мог себе позволить не только финансовую независимость, но и территориальную.

А еще у него был двухлетний «опель», навороченный комп и много дорогих шмоток в платяном шкафу. Он был строен, гибок, светловолос и красив до изумления какой-то нездешней скандинавской красотой.

Его мужской шарм зашкаливал, и Олеся искренне не понимала, с какой стати такой классный мужик выбрал ее?! Она, конечно, не уродка, напротив – миловидна и к тому же умна, но рядом с любимым чувствовала себя словно рябая

крестьянка, толстогубая и толстоногая, которой милостиво обронил слово молодой хозяин поместья.

Ее чувство к Янеку было похоже на вспышку сверхновой: ошеломляющим, волнующим, радостным. Оттого радостным, что не виделось Олесе преград, чтобы им быть вместе.

Кстати, по паспорту он значился Иваном Алексеевичем Николаевым, но все его звали Ян или Янек – с его подачи, естественно. Он был тщеславен, совсем чуть-чуть, но Олесе это было заметно.

Или, если заметно, то уже не чуть-чуть?

Но она прощала ему эту слабость как общечеловеческую.

До сих пор она помнит их первую встречу. Редакция «Путей и троп» занимала часть второго этажа бизнес-центра, а ей понадобилось подняться на третий, чтобы у Алика Толубеева, дизайнера глянцевого айтишного журнала, слить на флешку хитрую прогу, которую тот наотрез отказался прислать ей через интернет. Там она и застала Яна, зашедшего перекинуться парой слов с бывшим однокурсником по пути от потенциального нанимателя на выход. С нанимателем они тогда ни о чем не договорились, но было время, когда Янек не уставал повторять, что те полчаса, потраченные на пустое собеседование, плюс дорога туда и обратно окуплены во сто крат встречей с девушкой его мечты. Подразумевай – с Олесей.

Раньше при этом воспоминании Олесю окатывала теплая

волна счастья. Сейчас – щемящая боль и, пожалуй, была в этой боли некая часть стыда.

Когда Ян в первый раз ее ударил, ей тоже было стыдно. Но это потом, некоторое время спустя. А сначала было больно и было страшно.

Схватившись за огнем горевшую щеку, она с недоуменным ужасом взглянула на любимого. И натолкнулась на самодовольную улыбку незнакомого чужого человека, на лице которого светилась одна лишь ликующая мстительная злоба.

Слезы брызнули – не от боли, а от острой обиды. В голове воцарился сумбур. Она не могла понять, что произошло.

Почему? За что?! Я же так тебя люблю, милый!.. Так люблю!.. Как ты мог меня ударить, если я тебя *так* люблю?.. Не понимаю!..

Был какой-то пустяковый спор по совершенно ничтожной причине, вечером, после ужина. Олеся пожалела, что его затеяла. Ян взъярился. Моментально, неожиданно, пугающе.

Остыл он довольно быстро. Как ни в чем не бывало, отправился к компьютеру. Олеся закрылась в ванной плакать. Он ее не пытался оттуда вытащить, хотя она ждала. Спать легла на диванчике в кухне. Долго не могла успокоиться, размышляя, как оценить происшедшее, и как ей вести себя дальше.

Самое поганое – на донышке души затаился страх. Олеся теперь боялась этого человека.

Наутро были от него извинения и сожаления, и оправда-

ния, и она начала надеяться, что все не так плохо. Но его оправдания быстро перешли в обоснования, и этим он примирение испортил. А в завершение проговорил: «Кстати, ты сама виновата. Могла бы и не задираться с мужчиной». И улыбнулся торжествующе – последнее слово опять за ним.

К его несправедливым придиркам и обидным репликам Олеся успела притерпеться за год – обращала в шутку или притворялась, что не расслышала. Но сегодня ведь совсем другое дело, верно?

И она произнесла приготовленную бессонной ночью фразу: «Если это повторится, нам придется расстаться».

На скулах любимого заходили желваки. Он кисло улыбнулся. Олеся давно заметила, что ему невыносимо ощущать себя виноватым. «Пора на работу, – бодро проговорил он. – Подбросить не смогу, сегодня мне в другую сторону».

Олеся и днем не перестала размышлять, с чего вдруг у Янека произошел такой срыв, и сделала грустный вывод, что, наверно, он прав – доля ее вины в происшедшем имеется. Чем-то она его раздражает, вот только понять бы, чем? Похоже, его недовольство копилось весь год, а вчера взяло и выплеснулось бесконтрольно.

Пошарила в интернете, нашла несколько публикаций о домашнем насилии. И выяснила: так бывает. В смысле – не с первых дней совместной жизни начинается рукоприкладство. Ему предшествуют избиения моральные. Садист кайфует от издевок, но со временем ему становится недостаточ-

ным мучить жертву словесно. Особенно если он уверится в своей безнаказанности.

Ни при чем твои несовершенства, Олеся, не нужно копаться в себе.

И еще узнала: жди рецидива.

Ждала недолго. Кажется, не удивилась. Снова было страшно.

Наутро, позвонив шеф-редактору, отпросилась на полдня. Собрала вещи и уехала в свою однушку, радуясь, что вещей немного, а еще тому, что синяк на скуле почти незаметен под пудрой.

Постепенно жизнь в своем бытовом аспекте наладилась и вошла в спокойную колею. Работа в редакции помогала отвлечься, а трудный период относительного безденежья, наступивший после закрытия газеты вплоть до первых финансовых поступлений от случайных заказов на макеты для полиграфии, Олеся преодолела стойчески, посадив себя на овсянку, макароны и молоко. Родителям жаловаться не хотела, Татьяне – тоже.

Но на первых порах было тяжело – любовь к Янеку несколько не ослабела. Олеся тосковала о нем, и сердце разрывалось от боли, смешанной с горькой обидой. Она ждала, что любимый ее отыщет, приедет, просто позвонит, и снова все будет хорошо. Ведь людям свойственно совершать ошибки, главное признать их и больше не повторять.

Ей с трудом удалось пресечь глупый порыв приехать к

нему самой. Воображение услужливо рисовало, как Ян откроет дверь, и радость вспыхнет в его глазах, и он распахнет объятия, а она бросится ему на грудь и заплачет слезами облегчения, и он тоже, возможно, прослезится, и забормочет, уткнувшись в ее макушку: «Олеська, милая, родная, прости! Я такой дурак! С тебя пылинки сдувать надо, сокровище мое, на руках носить! А я... Прости, никогда это не повторится, слышишь?!»

Он действительно ей позвонил. На работу. Чтобы сообщить, что она психованная дура. И еще какие-то гадости добавил. Олеся не стала спорить. Даже если бы она нашла подходящие слова, произнести их не сумела бы – спазм сдавил горло тугими клешнями.

Тамара Павловна, главная рекламщица, сидела в это время возле нее на гостевом стуле и излагала детали очередного рекламного макета. Когда Олеся отложила в сторону трубку, спросила неприязненно: «Козлина звонил? Молодец, что не стала с ним разговаривать». Олеся не выдержала и разревелась в голос. Тамара Павловна потянулась к местному телефону, стоявшему на краю стола, и, набрав короткий номер, распорядилась: «Девки, чайник ставьте. Звягину реанимировать будем».

Все, оказывается, всё знали. И откуда?

Главная рекламщица вытолкала ее, рыдающую, в коридор и, схватив под локоть, потащила к дверям своего отдела.

Чаю Олесе не хотелось, особенно горячего, а ей никто

его и не предлагал. «Девки» плеснули ей в кружку граммов тридцать сорокоградусной настойки на корне калгана, заставили выпить, дали заесть колесиком лимона.

Наталья Семёновна проговорила: «Вот нелюдь. Не угомонится никак. Молодец, что ушла от него». «Конечно, она молодец, – поддакнула Вера Сергеевна. – Соседку мою каждый вечер сожитель колотит, как грушу. А идиотка терпит». «Так ты ж говорила, дети же у нее, трое, – парировала Тамара Павловна. – А сама она не работает нигде». «Я бы ушла», – гордо проговорила Вера Сергеевна. «Да откуда ты знаешь?! Ушла бы она... Никуда бы не делась». «Лёлочка, а ты, случайно, не в положении?» – осторожно поинтересовалась Зоя Ивановна. «Рогожина, заткнись, – одернула ее начальница. – Лучше бутербродик Лёльке сооруди, а то окосеет она, а ей еще наш макет доделывать».

Вечером, забравшись с ногами на диван, чтобы по обыкновению последних недель разбередить рану и всласть поплакать, Олеся с удивлением обнаружила, что тоска по Яне-ку ушла. Боль осталась. Жалость к себе – тоже.

Но боль, жалость – какие пустяки! Она свободна!

И не рваная рана это вовсе, а так, глубокая царапина. Заживет, зарастет, забудется – успокаивала себя Олеся, всей душой желая этому верить.

«Кажется, я должна благодарить бывшего за сегодняшний звонок», – подумалось ей с горькой иронией.

В тот день, когда гендиректор газету прикрыл, а редакци-

онный народ начал разбредаться по комнатам и кабинетам, чтобы, собрав пожитки, уйти и больше никогда здесь не появляться, Тамара Павловна отвела Олеся в сторонку и проговорила:

– Я без работы не останусь, Звягина. Продажники моего уровня нарасхват. Когда устроюсь, позвоню. Возможно, для тебя дело тоже найдется.

Так у Олеси появились первые заказы: дизайн листовок, буклетов, визиток.

Некоторое время спустя она набрела в интернете на сайт рекламного агентства под названием «Радуга причуд». Агентство призывало креативщиков поучаствовать в конкурсе сценариев для промо-ролика на одну из предложенных тем. Темы были заведомо абсурдные. Олеся никогда не сочиняла сценарии, но ей стало забавно, и она отправила на электронный адрес какой-то Лапиной Н.М. родившуюся идею про пару резиновых галош на воздушной подушке, решив про себя, что получатель – секретарша или какая-либо другая мелкая сошка, посаженная для сортировки «входящих».

Отправила и забыла, но вскоре пришел ответ из агентства с предложением прийти и обсудить детали сотрудничества. Олеся сначала удивилась, а потом очень обрадовалась.

Она удивилась еще больше, когда увидела «мелкую сошку».

В просторном кабинете, на двери которого висела латун-

ная табличка «Лапина Н.М., гендиректор», ее встретила элегантная блондинка слегка за сорок, как впоследствии выяснилось – за пятьдесят, с яркими синими глазами и яркой помадой на губах, обладательница великолепной фигуры, к тому же дорого и со вкусом одетой и с трехкаратовым бриллиантом на правом безымянном – впрочем, бриллиант был в скромной оправе.

– Проходите, Олеся Александровна, – проговорила Лапина со сдержанной улыбкой. – Присаживайтесь, поговорим.

– Можно просто «Олеся», – стесненно сказала соискательница, подходя к столу.

– Идет, – не стала спорить Надежда Михайловна. – Мне понравился ваш сценарий, Олеся, но более всего – ваш подход. Дизайнеры у меня есть, и стратеги есть, а идей у них маловато. Я предлагаю вам их генерировать. Испытательный срок даю месяц, этого достаточно. Если в принципе вы согласны, обговорим условия. Ну, как?

Конечно, Олеся согласилась и ни разу не пожалела.

Она быстро поняла, что Лапина – человек непростой, даже очень непростой. Олесе донесли – те же девочки из делопроизводственного отдела, – что Надежда Михайловна прежде работала в каком-то крупном холдинге, но уволилась, выйдя замуж за его владельца – ни больше, ни меньше.

Главное не это. На прежней работе ее звали за глаза веселой змеей, и прозвище отлично начальницу характеризовало.

Она была проницательна и умна, в житейском плане – многоопытна, на словах – несколько цинична. Была ли она цинична внутри в той же степени, как и снаружи, Олеся сказать не взялась бы, но похоже – да, была.

Лапина фонтанировала энергией и задором; когда она сердилась, перед ней трусливо робели; когда заливисто хохотала, заражала смехом всех, кто бы рядом ни находился, но самое главное в ней, пожалуй, было то, что Надежда Михайловна была эффектна и агрессивно обаятельна, и об этом она не просто догадывалась, а знала.

Она была не просто хороша, она была великолепна, оттого и завидовать ей смысла не имело. Олеся не завидовала. Она восхищалась – тайком, чтобы не вызвать ухмылки окружающих. Да и самой Лапиной про это знать ни к чему. Однако подружиться с ней хотелось страстно, несмотря на разницу в возрасте почти в двадцать лет. Но Надежда Лапина неоднократно заявляла, что понятие возраста для нее не существует. Значит, для дружбы его тоже не должно существовать.

С ней хотелось делиться горестями и спрашивать совета – если уж нельзя быть ее доверенным лицом. «Угомонись, – одергивала себя Олеся, – Кому нужны твои сопли, кому они интересны?», но как-то раз, поддавшись порыву, пожаловалась Лапиной, не вдаваясь в детали, на до сих пор саднящую рану, и поняла, что слушать так, как слушает Надежда Михайловна, не может никто.

Дня через два после этого разговора начальница пригла-

сила ее на неформальное мероприятие, вызволив из дома и безапелляционно сообщив, что они встречаются через два часа в центре зала в метро «Белорусская кольцевая». Форма одежды – свободная.

В светло-голубых джинсах-бананах, подвернутых выше щиколотки, розово-желтом полосатом джемпере крупной вязки поверх вылезающей из-под него белой льняной рубашки, белых кроссовках на голубые носочки в цветной горошек, Олеся чувствовала себя восхитительно свободно, как босс велел, и ей было весело. И еще она немного волновалась.

Надежда Михайловна рассказывала ей о «девчонках», с которыми подружилась, работая в холдинге «Микротрон». Вот им Олеся завидовала.

Их было трое, и они так и продолжали трудиться на капиталиста Лапина, а Надежда Михайловна время от времени, чтобы заполнить пустоты общения, заезжала к подругам, минуя кабинет мужа и даже, кажется, о приездах не ставя его в известность.

Чаепитие по традиции устраивали в серверной. Одна из трех подруг Надежды была системным администратором, звали ее Катя, и она гарантировала, что их посиделкам никто не помешает, ибо доступ в ее владения был ограничен, а тяжелая бронированная дверь всегда запиралась изнутри на электронный замок.

Письменный стол, отодвинутый от стены, был накрыт на

пять персон и уставлен разнокалиберными чашками и тарелками с печеньем и пирожками – похоже, домашней выпечки.

Катерина имела вид спокойный и доброжелательный, Алина, юрисконсульт холдинга, – суховато-чопорный, Валерия, которая руководила здешним отделом маркетинга, показалась Олеся дамой резкой и прямодушной. Все трое обращались к Лапиной на «вы» и по имени отчеству, тогда как сама Надежда Михайловна звала их только по именам – то на «ты», то на «вы», совершенно бессистемно. Кате было тридцать шесть, Алине тридцать два, как и Олеся, а самой старшей из трех, Валерии – недавно исполнилось сорок четыре.

Олеся быстро поняла, что аудитория про нее наслышана, но этому не удивилась. Какие могут быть секреты у Надежды Лапиной от подруг? Еще ей стало ясно, что дружба между этими четырьмя женщинами неподдельная и проверенная не единожды.

Лапина проговорила, подталкивая гостью легонько в спину:

– Знакомьтесь, девчонки. Та самая Олеся Звягина. Интроверт, косящий под экстраверта.

Олеся удивленно вскинула брови. Ну, Лапина, ну, психолог...

Они расселись вокруг двухтумбового письменного стола, и принялись болтать о пустяках, вспоминая какие-то события и переминая беззлобно кости знакомым. Олеся улыбалась деревянно и безмолвствовала.

– Э, так не пойдет, – решительно проговорила Валерия. – Пускай нам девушка про себя расскажет. А то сидит молча и впитывает. А про себя ни гу-гу.

Лапина сказала:

– Не наседай на нее, Бурова. Разве не видишь, человечек намучился. И в себя еще не пришел.

– Иногда легчает, если выговоришься, – заметила Катя.

– За одного битого двух небитых дают, – сухо сказала Али-на.

Звягина на нее зыркнула. Алина, сообразив, что ляпнула бестактность, закашлялась в кулачок, отведя в сторону взгляд.

Надежда Михайловна произнесла примирительно:

– Мы тут все немножко подранки, Лёля. За Катюху мы сейчас рады, она в браке счастлива, а от бывшего натерпелась – кобель был совершенно наглый. Представь, девку какую-то в дом привел, поскольку «бедняжке» жить было нигде. Мой бывший тоже был ходок знатный, все деньги на баб тратил, неделями дома не ночевал, и все на глазах у сына. А Алинку охмурил один brutальный подонок на спор с друзьями. Она даже квартиру на собственные деньги сняла, чтобы гнездышко обустроить. Когда узнала, выгнала, конечно, но рану пришлось долго залечивать. Доверять никому не могла, пока своего Росомахина не встретила. Одна Валерия у нас более-менее благополучная. Если не считать случай, когда к ее мужу внебрачная дочь заявила. Правда, та оказалась ника-

кой не дочерью, а аферисткой, но узнали об этом не сразу. И вот что я тебе скажу с полной ответственностью: все проходит. Только лапки не надо складывать.

– Все плохое проходит, – поправила Катя, улыбнувшись. – Хорошее остается навсегда.

– Клин клином вышибается, – проронила без улыбки Али-на.

– Надежда Михайловна, это как раз в вашей компетенции, – взяла быка за рога Валерия. – Есть у вас в агентстве кто-нибудь достойный и неженатый? Наверняка имеется!

– Да что я вам, сваха?! – деланно возмутилась Лапина. – Между прочим, девочка сама справилась. Да, Лёля? Понравился тебе кто-то из наших?

И пояснила окружающим:

– Она помаду купила. И духи стала носить.

– Эээ... – растерялась Олеся. – А что, уж и помаду нельзя купить просто так?

– Нельзя, – категоричным тоном проговорила Надежда Михайловна. – Так не бывает.

– А может, она в поиске, – предположила Катя.

– Мы это выясним, – твердо проговорила Валерия.

– Привяжем скотчем к креслу и выкрасим волосы зеленым фломастером? – оживилась Лапина. – Я помню! Вы, поганки, хотели так со мной поступить однажды.

– Мы еще собирались вам стрижку подправить канцелярскими ножницами, но ведь не подправили же! – резонно за-

метила Алина.

– Это потому что она одумалась, – припомнила давний случай Катя. – Одумалась и новость рассказала. Главное, пригрозить убедительно. Олеся, ты еще не испугалась?

До Звягиной наконец дошло, что над ней дружно прикалываются. Юморные у Надежды Михайловны подружки!

Ей стало легко и весело. Она спросила:

– А подойдет ли вступительным взносом история про соседского мента?

История началась в прошлом июле, и не с мента, а его дочери. Ее звали Настя, ей было семь лет, и познакомилась с ней Олеся на детской площадке возле дома. Точнее – это Настя познакомилась со Звягиной.

Худенькая белобрысая девчонка в джинсовом комбезике и розовой футболке присела на скамейку рядом с Олесей, с головой ушедшей в чтение нового Лукьяненко, и горестно вздохнула.

Солнце стояло еще высоко, но время близилось к ужину. Или к полднику – это кому какой распорядок больше нравится. Олеся считала, что ужинать после семи вечера неправильно, и, если обстоятельства позволяли, садилась за вечернюю трапезу ровно в девятнадцать.

Детская площадка опустела, гомонящую и снующую мелюзку развели по домам мамыши и бабульки, а скамейка, на которой устроилась Олеся с книжкой, была ничуть не хуже

любой другой, расположенной в сквере в полукилометре от дома, зато значительно к нему ближе, что позволяло сэкономить время. Время Звягина ценила.

Девочка вздохнула снова, и Олеся оторвалась от планшета. Вздохи предназначались ей – это несомненно. Она повернула голову выяснить, что же произошло, и поняла, что у человека трагедия. Иначе как объяснить понурую позу и покрасневший нос, если только не большой бедой?

Соседка по скамейке тоже на нее посмотрела, и, помедлив, спросила тоненьким голосом:

– Вы не могли бы ее починить?

Она протянула Олеся пластмассового игрушечного единорога с крыльями, довольно крупного, но с заметным изъяном: рог во лбу волшебного существа, долженствующий задорно торчать вперед и кверху, был почти оторван и показывался на узенькой перемычке, демонстрируя в своем основании смятый катышек розовой жевательной резинки, не справившейся с функцией монтажного клея.

Олеся игрушку приняла, осмотрела повреждение, сказала с сочувствием:

– Да, проблема. Единорог должен быть с рогом. Без рога он не единорог, а пегас какой-то.

– Это принцесса Селестия! Аликорн! – возмущенно проговорила девочка. – А вовсе не единорог!.. И уж точно не пегас. У нее магия, знаете какая мощная?

Наткнувшись на недоуменный взгляд безграмотной тети,

она умолкла, обиженно поджав губы.

– А, это аликорн оказывается! – воскликнула Олеся, исправляя оплошность. – Ситуация серьезнее, чем я думала. Только вот как ему помочь?! Ей, то есть...

– В том-то и дело, – вздохнула девочка.

– Хотя, я бы попробовала, – задумчиво произнесла Олеся. – Но потребуется время, чтобы клей схватился. И, наверно, придется вокруг рога накладку сделать. У меня есть оберточная бумага малинового цвета, как фольга почти. Вырежем в форме звезды заплаточку, и твой аликорн станет еще круче.

– Но бабушка же увидит! Заплатку эту! И поймет! И ругаться будет!

«Сейчас заплачет», – подумала Олеся.

Девочка не заплакала. Забрав из Олесиных рук игрушку, проговорила деловито:

– Я скажу, что рог Плюшка отгрыз. Своего Плюшика баба Аня любит. Поругает немножко, тапкой нашлапает, а потом еще и извиняться будет.

– Кот?

– Да нет. Собакен. Похож на пуделя. Но бабушка считает, что он пудель и есть.

– Как-то это не очень благородно... – неуверенно произнесла Звягина.

– А что делать? Если я признаюсь, что один дурак игрушку сломал, то Ваньке мало не покажется. Бабушка тут же его

папке позвонит, и ему трепака зададут, я знаю, он рассказывает.

«Ну и правильно! Не накажут – опять чужие вещи ломать будет!» – собралась возмутиться Олеся, но прикусила язык.

Она не была готова ответить, насколько это педагогично. задать трепака за сломанную игрушку вместо того, чтобы вместе с хулиганистым отпрыском ее починить.

Она спросила:

– Ты в этом доме живешь?

– Угу. Уже почти два месяца. Вы бабы Анина соседка, – крутя аликорна в руках, ответила девочка. – Ее квартира на четвертом. У папы много работы сейчас, он летний отпуск не смог выправить. Меня к бабушке отправил. На передержку.

На передержку? Горький юмор обиженного ребенка, или девочка просто повторила чьи-то слова, не подразумевая в них желчной окраски?

Олеся спросила:

– Значит, я для тебя не совсем незнакомый человек?

Девочка хихикнула:

– Нет, конечно. Баба Аня один раз даже с тетей Лидой из второго подъезда про вас поспорила. Вы не знаете, кто такое «вековуха»?

– Это про меня так твоя бабушка выразилась? – невесело поинтересовалась Олеся, припоминая пожилую даму, грузную и с мрачным выражением на лице, с которой иногда сталкивалась у мусоропровода.

– Что-то обидное, да? Нет, это не баба Аня сказала, она наоборот про вас сказала: что вы еще молодая, и жизнь свою устроите. А тете Лиде сказала, чтобы она лучше смотрела за собой, а не за другими. А что такое «вековуха»? Ой, я забыла: меня Настей зовут. А вас – тетей Лесей, да?

– Да, – проговорила Олеся. – Вековуха – это, которая никак замуж выйти не может. А я побывала.

– Разведенка, стало быть, – со взрослой интонацией подытожила Настя, сочувственно вздыхая.

– Стало быть, разведенка, – согласилась Олеся. – А давай, Настя, мы с тобой вот как поступим: все расскажем твоей бабушке и попросим Ваниному отцу не жаловаться, а потом пойдем ко мне и твою принцессу починим.

– Думаете, дело выгорит?

– Не знаю. Но попробовать-то мы можем? Ты только вид соответствующий сделай. Сумеешь?

Настина бабушка, отворив дверь на звонок, почти не удивилась, увидав вместе с внучкой, шмыгающей носом, «вековуху» с третьего этажа. Сдвинув брови, сурово спросила у Насти:

– С качелей сверзилась и попу отшибла?

Не дожидаясь ответа, подняла голову на соседку:

– Спасибо, Олесь. Я понимаю, что сама с ней гулять должна, мала она еще без присмотра по двору бегать, но мне Ванина гувернантка обещала присмотреть за обоими. Выходит,

не досмотрела.

Оказывается, хулиганистый Ваня вовсе не дитё из неблагополучной семьи. Наличие гувернантки говорит о многом.

– В каком-то смысле не досмотрела, – миролюбиво улыбувшись, ответила Олеся и принялась обрисовать ситуацию.

Недовольно сопя, баба Аня повертела в руках несчастного аликорна – или несчастную? – и передала игрушку Олеся. Сказала:

– Только ты, Олеся, мне свой номер оставь. Чтобы я могла эту непоседу домой к ужину загнать. Или сама справишься?

– Номер оставлю, конечно. А ремонтом мы недолго заниматься собираемся, полчасика, не больше. Игрушку я у себя еще сутки подержу, чтобы клей как следует схватился. Завтра после работы занесу.

– Тебе виднее, – пробурчала Настина бабка, намереваясь прикрыть дверь.

– А как вас по отчеству, скажите, пожалуйста? – задала торопливый вопрос Звягина.

Та удивленно на нее воззрилась:

– Не помнишь? Я же у вас, оболтусов, биологию преподавала, с пятого по девятый, а ты, как зовут меня, не помнишь?!

– Ильинична, – шепотом подсказала Настя.

Олеся развела руками:

– Анна Ильинична, я ведь сюда переехала недавно. И в школу в другом районе ходила. А если бы ходила в вашу, не

забыла бы вас точно.

– Это по какой причине? – подозрительно взглянула на нее соседка.

– Все помнят своих школьных учителей.

– Но не все вспоминают, – угрюмо произнесла баба Аня. – Я тебя спутала с кем-то. Не обижайся.

Ярко-малиновая блестящая звезда во лбу у принцессы Се-лестии получилась на славу, как будто так и было задумано. Они полюбовались делом рук своих, и Олеся отправила маленькую соседку к бабушке, и не закрывала дверь своей квартиры, прислушиваясь, до тех пор, пока не убедилась, что Настя, преодолев два лестничных пролета, позвонила в дверь Анны Ильиничны, встав на цыпочки, и та ей открыла и впустила.

Назавтра была пятница, и Олеся, придя из редакции на час пораньше, наскоро перекусив и переодевшись, собралась сразу подняться на четвертый, чтобы вручить отремонтированную игрушку своей новой знакомой – рог держался прочно.

Спихватилась, что не записала вчера Анны Ильиничны номер телефона, но тут же решила, что ничего страшного не произойдет, если она явится запросто и по-соседски, тем более не с пустыми руками.

Ее ждал сюрприз. Не успела она дотянуться до кнопки звонка, как дверь начала плавно раскрываться. Звягина по-

спешила сделать шаг в сторону и назад, чтобы пропустить темноволосого короткостриженного верзилу ростом не менее метр девяносто, одетого в джинсы и белую рубашку-поло, который смотрел себе под ноги, а вовсе не перед собой, то есть – не на Олесю. И тогда она тоже посмотрела вниз и увидела, как между джинсовой штаниной верзилы и дверным косяком протиснулся курчавый пес шоколадного окраса. Вырвавшись наружу, он принялся весело скакать по лестничной площадке, подтягивая – судя по всему, в предвкушении прогулки.

Верзила ловко схватил его за ошейник и прицепил поводок. Питомца это нисколько не огорчило, он продолжал радоваться жизни, виляя короткой метелкой хвоста.

– Здравствуйте, – произнесла вежливая Олеся.

Пес вспомнил службу и грозно тявкнул.

Мужчина, которому на вскидку можно было дать лет тридцать шесть-тридцать восемь, выпрямился, увидел игрушечного аликорна в ее руке, улыбнулся. Улыбка у него была широкая, а взгляд прямой, хоть и несколько напряженный. Проговорил собаке: «Свои, Плюха, это свои», а потом сказал уже Олесе:

– Вы Олеся. Та самая добрая самаритянка, которая спасла мой кошелек и Ванькину задницу. Приятно познакомиться, Максим.

Он протянул ей широченную ладонь, и Олеся, протягивая в ответ свою, отчаянно жалела, что сейчас на ней старенькие

спортивные штаны с выпуклостями в районе коленок и выдавшая виды футболка, а не, допустим, облегающий топик и шорты, позволившие бы новому знакомому оценить красоту ее форм, стройность ног и бронзовый загар кожи.

Она засмушалась, разозлилась и лягнула:

– Если по притче, то в ней фигурирует добрый самаритянин. А самарянка, она, вообще-то, до поры, до времени блудливая была. Пять мужей имела, да и последний не был ей муж. Не думаю, что вы сделали мне комплимент.

– Вот те на. И откуда сведения? – заинтересованно спросил верзила, ничуть не смутившись и не удивившись.

– Евангелие от Иоанна. Какая глава, не помню.

– А... – понимающе протянул Максим. – С первоисточником не знаком, мое упущение.

– Да я и сама... толком его не знаю, – сказала Олеся и, набравшись смелости, спросила: – Вы Насте приходитесь родственником?

– Настюхе я прихожусь папкой.

И снова улыбнулся.

Смотрела бы и смотрела на него. Вот засада...

Если бы у Олеси был старший брат, то он был бы именно таким. Сильным, добрым, но не ко всем. А еще веселым, ловким, справедливым... И всегда готовым прийти ей на выручку.

Из глубины квартиры послышался недовольный голос:

– Максик, ты чего дверь держишь открытой? Хочешь, что-

бы к нам крыса забежала?

– Какая крыса? – удивленным шепотом спросила Олеся Настиного папку.

– Мам! Олеся спрашивает, какая крыса? – гаркнул он, не отворачивая головы.

«Ах ты... паршивец!» – мысленно возмутилась она этакой подставе и тут же передумала зачислять соседа в воображаемые старшие братья.

– Что за Олеся? – громовым голосом поинтересовалась Анна Ильинична, выступая на полшага из-за двери. – Ах, Олеся... – проговорила она, увидев соседку. – Ты единорога нам принесла?

– Это аликорн, – деревянным тоном ответила Звягина, протягивая ей игрушку.

– Это аликорн! – возмущенно пискнула Настя, выскочившая из квартиры следом за бабушкой.

Забрав свою собственность, удовлетворенно вещь осмотрела, улыбнулась папкиной улыбкой.

– Теть Лесь, вы такая замечательная! Спасибо большое-огромное! Селестия еще красивше стала! Да, пап, замечательная она?

– Ну, твоя Селестия просто супер! – проговорил верзила серьезным тоном, пряча насмешку. – Так что там с крысой, мам? Народ интересуется, народ имеет право.

– А что с крысой? – спросила рассеянно Анна Ильинична, переводя задумчивый взгляд с сына на соседку.

– Олеся хочет знать, какая крыса может заглянуть в твою квартиру.

– Да любая крыса, – ответила она, вперив взгляд в Олеся. – Буквально любая, которая мимо пойдет.

– Разве в подъезде есть крысы? – стесненно спросила Звягина, дабы поддержать разговор.

– Они в любом подъезде есть, можете не сомневаться, – внезапно перейдя на «вы», отрезала Анна Ильинична. – Максим, ты поведешь сегодня Плюшика на прогулку или как? Мальчику пи-пи надо, а ты животное мучаешь.

Затем выжидательно посмотрела на его собеседницу. Поинтересовалась: «Вы зашли, чтобы Настеньке игрушку вернуть?»

Максим хмыкнул, кивнул Олесе на прощанье, и неторопливо направился по ступеням вниз. Пес радостно побежал вперед, обнюхивая по пути закоулки у мусоропровода и придверные коврики соседей.

Женщины проводили глазами его спину.

– Теть Лесь, а можно мне к вам? Баба Аня, а можно мне к ней? – затараторила Настена. – У нее знаешь, как классно! Такой монитор здоровый, как наш телек почти! И картинок много по стенам развешано. Они прикольные.

– Ты ведешь себя, как невоспитанная девочка, – строгим тоном произнесла Анна Ильинична. – Нельзя напрашиваться в гости. Но если Олеся не возражает...

Она прислушалась к шагам сына на лестнице. Похоже, он

спустился ниже третьего этажа.

– Если тетя Олеся не возражает... – продолжила она.
Олеся ее перебила:

– Конечно, пойдем, Настенька. Чаю попьем, у меня вишневое варенье есть. И конфеты «Ласточка».

Надежда Михайловна сказала одобрительно:

– Старт неплохой. Хотя мамаша у него проблемная. Ну, и как ваши отношения дальше развивались?

– Надеюсь, он не женат? – спросила строгим тоном Катя.

– Если он холостяк, это тоже подозрительно, – высказала мнение Алина. – Либо такое «добро» даром никому не нужно, либо разведен, потому что его скверный характер жена не выдержала.

– Ты главное скажи: это тот, про которого духи и помада? – задала конкретный вопрос Валерия.

Ну какие там отношения... Встречались изредка и случайно – то во дворе, то на лестничной клетке. Перебрасывались парой-тройкой фраз, и все. Макс Коновалов жил в другом доме, в другом районе, на другой ветке метро. Он был вынужден на летние месяцы переселить дочку к бабушке. Отгремели в московских детсадах майские выпускные торжества, и, снабдив выросших детишек дипломами, букварями и наборами цветных фломастеров, их распустили по домам. С сентября Настюху-первоклассницу ждали уроки в

школе, а после уроков – группа продленного дня, ну а пока – свободное плавание в нейтральных водах.

Про его бывшую Олесе ничего узнать не удалось. Анне Ильиничне прямые вопросы она задавать опасалась, а для косвенных умозаключений информации было плачевно мало. Кажется, мадам проживала в другом городе, причем неблизком.

О том, что Коновалов служит в полиции, ей выложила Настя, но без подробностей. Видимо, она их и не знала, иначе непременно поделилась бы со старшей подругой. Время от времени она забегала к Олесе на буднях, чтобы рассказать какую-нибудь девчачью новость, а ее посещения в субботу или воскресенье можно было считать полноценными визитами. Они читали книжки – по очереди! – и смотрели мультики, а потом устраивали чаепитие в компании с куклой Барби или принцессой Селестией. Иногда рисовали, иногда что-то лепили из пластилина. Было весело

Максим не зашел ни разу. Он и к матери заезжал нечасто. Со слов Насти, его автомобиль находится в ремонте, что-то с ним серьезное произошло, а ехать общественным транспортом – большие затраты по времени получаются, да и устает папка очень на работе. Жаль, что у бабушки однушка, втроем им там не поместиться.

Уже с утра Олеся начинала жить глупой надеждой столкнуться-пересечься с ним где-нибудь во дворе или у почтовых ящиков, или у лифта, но день за днем она уходила на

работу, и возвращалась с работы, и не торопилась заходить в подъезд, а потом и в квартиру, а Макс все не появлялся. А когда встреча все-таки случалась, волновалась до красных щек и делалась косноязычной.

В конце августа Настя Коновалова перебралась домой – ей предстоял первый в ее жизни День знаний и первый звонок. Редкие встречи Олеси с ее отцом сошли на нет. Звягина обзывала себя рохлей и мямлей, не сумевшей никак заинтересовать мужчину, в которого по уши втрескалась.

«Может, оно и к лучшему, – думала она. – Как говорится, с глаз долой – из сердца вон».

В октябре издание «Пути и тропы» схлопнулось, сотрудников редакции распустили, Олеся начала выживать, зарабатывая на фрилансе. В марте ей посчастливилось пристроиться в «Радугу причуд» на хороший оклад и премиальные. Жизнь налаживалась. И все это время она помнила здорового мента – соседкиного сына, а глупая надежда не оставляла ее в покое.

В начале мая он объявился. Олеся увидела из окна, как он выбирается из темно-синей иномарки, и, выпустив с заднего сиденья подростку за учебный год Настю, нажимает на клавишу брелока, ставя машину на сигнализацию.

Олеся похвалила себя, что удержалась и не выскочила его встречать на лестничную клетку. Правильно сделала: не прошло и получаса, как ей в дверь позвонили, и Настя с улыбкой до ушей переступила порог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.